Сибирскій Архивъ

Журналъ исторіи, археологіи, географіи и этнографіи Сибири, Средней Азіи и Дальняго Востока.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ II.

№№ 6–8.

Іюнь — Августъ. 1913 годъ.

ИРКУТСКЪ.
Эл.-тип. Т ва «М. П. Окуневъ и К°».
1913.

Отъ редактора.

На время моего лѣтняго отсутствія въ г. Иркутскѣ прошу по всѣмъ редакціоннымъ дѣламъ обращаться къ сотруднику Михаилу Павловичу Овчинникову.

Адресъ его: г. Иркутскъ. Городская Управа; или: Б. Русиновская, 93.

А. Линьковъ.

ДЕКАБРИСТЫ ВЪ ЯЛУТОРОВСКѢ.

(Изъ воспоминаній современника).

I.

Ялуторовскъ—маленькій городокъ Тобольской губерніи—назначенъ былъ мѣстомъ ссылки многихъ видныхъ дѣятелей декабрскаго возстанія въ 1825 г.

Послѣ каторги въ Нерчинскомъ округѣ, въ Ялуторовскѣ были поселены князь Евгеній Петровичъ Оболенскій, Иванъ Ивановичъ Пущинъ—другъ А. С. Пушкина, Иванъ Димитріевичъ Якушкинъ, Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ—Апостолъ—родной братъ казненнаго Сергѣя Ивановича М.—А., Василій Карловичъ фонъ-Тизенгаузенъ, члены Южнаго Общества Н. В. Басаргинъ и А. А. Ентальцевъ. Около этого же времени въ Ялуторовскъ былъ поселенъ нѣкто Сабанскій, о которомъ говорили, что онъ сосланъ также въ связи съ декабрскимъ возстаніемъ.

Декабристы жили въ Ялуторовскѣ особнякомъ.

Ялуторовская интеллигенція и чиновники боялись знакомиться съ ними, т. к. декабристы были объявлены важными государственными преступниками и состояли подъ особо строгимъ надзоромъ полиціи, такъ что даже переписка ихъ перлюстрировалась въ Тобольскѣ самимъ губернаторомъ.

Однако и въ Ялуторовскѣ нашлось нѣсколько человѣкъ, сочувствовавшихъ декабристамъ. Изъ нихъ первое мѣсто занималъ теперь покойный почтмейстеръ Филатовъ, затѣмъ управляющій питейными сборами Николай Васильевичъ Балакшинъ—родной дядя Балакшина—учредителя и деректора нынѣшняго Сибирскаго союза маслодѣльныхъ артелей, и, какъ не странно, третье мѣсто занимало духовное лицо—отецъ Стефанъ Знаменскій—протоіерей.

Черезъ почтмейстера и меня (я тогда тоже служилъ на почтѣ) шла вся огромная переписка декабристовъ съ Россіей и заграницей. Разбирая почту, Филатовъ откладывалъ по извѣстнымъ ему одному примѣтамъ нѣкоторыя письма, адресованныя на его имя, и посылалъ ихъ со мной то тому, то другому декабристу. Благодаря оживленной перепискѣ, освѣ-

домленность декабристовъ о всемъ, что дѣлается даже заграницей, была большая. Я помню, что еще за недѣлю до полученія извѣстій и манифеста о смерти Николая I-го къ почтмейстеру вбѣжалъ сильно возбужденный И. И. Пущинъ и объявилъ о смерти Императора.

Жили декабристы межъ собой довольно дружно, иногда собирались вмѣстѣ, но большею частью собранія эти происходили тайно отъ полиціи.

Чаще всего декабристы и ихъ немногіе друзья собирались въ большомъ домѣ съ краснымъ мезониномъ, принадлежаемъ богачу, барону Тизенгаузену. Это былъ большой и мрачный домъ, два раза сгорѣвшій до тла и вновь выстраиваемый барономъ.

Декабристы не любили вспоминать былого. Лишь иногда, когда съ ними были постороннія люди, разговоръ переходилъ на прошлое. Но и въ такихъ случаяхъ говорили больше о своей частной жизни, политическихъ же волненій и прежней политической дѣятельности декабристы касались очень рѣдко, вскользь и то тогда, когда оставались лишь съ испытанными преданными друзьями.

Больше другихъ о прошломъ говорилъ И. И. Пущинъ. Онъ часто разсказывалъ о своей дружбѣ съ А. С. Пушкинымъ, о самомъ поэтѣ, о литературныхъ собраніяхъ, на которыхъ А. С. читалъ друзьямъ свои стихи. У Пущина было много собственноручныхъ писемъ и рукописей Пушкина, которыя И. И. и показывалъ собесѣднякамъ.

Чаще другихъ темъ разговоръ касался времени, проведеннаго декабристами на каторгѣ. Почти всѣ жаловались на обиды и притѣсненія со стороны начальствующихъ лицъ, на тяжелый режимъ тюремно-каторжной жизни и на суровый климатъ Сибири. Между прочимъ, въ Ялуторовскѣ во времена декабристовъ часто можно было слышать пѣсню, характеризующую жизнь декабристовъ въ ссылкѣ:

1.

Бывало, въ домѣ преобширномъ
Въ кругу друзей, среди родныхъ
Живешь себѣ въ веселье мирномъ
И спишь въ постеляхъ пуховыхъ.

2.

Теперь же въ закоптѣлой хатѣ
Между крестьянъ всегда живешь,
Забьешся, скорчась, на полати
И на соломѣ такъ заснешь.

3.

Бывало, предо мной поставятъ
Уху стерляжью, соусъ, кремъ,
Лимономъ бламанже приправятъ,
Сижу и ничего не ѣмъ.

4.

Теперь похлебкою дурною,
Съ мякиной хлѣбомъ очень сытъ,
Дадутъ капусты мнѣ съ водою—
Ѣмъ, за ушами лишь пищитъ.

5.

Бывало, знатныхъ по примѣру,
Безъ лучшей водки ѣсть нельзя,
Шампанское пьешь иль мадеру,
Стаканы съ пуншемъ вкругъ тебя.

6.

Теперь отбросивъ всѣ бездѣлки,
Стремглавъ бѣжишь къ жиду въ корчму,
На гривну таннешь тамъ горѣлки
И радъ блаженству своему.

и т. д.

Пѣсенка, сочиненная, какъ говорили, декабристомъ, княземъ Одоевскимъ и разосланная имъ другимъ декабристамъ, сдѣлалась такъ популярна, что ее знали наизусть даже всѣ школьники.

Въ общемъ декабристы жили тихо, видимо скучали и мечтали объ амнистіи и возвращеніи въ Россію. Особенное оживленіе они проявляли лишь, когда получалась почта и были письма изъ за-границы. Съ кѣмъ они переписывались тамъ—я не знаю; изъ друзей своихъ они особенно оживленно переписывались съ фонъ-Визинымъ, жившимъ въ ссылкѣ въ Тобольскѣ. Переписка эта шла главнымъ образомъ черезъ протоіерея Знаменскаго.

II.

В. К. фонъ-Тизенгаузенъ.

Ни о комъ такъ много не говорили, какъ о баронѣ Тизенгаузенъ. Межъ интеллигентной частью ялуторовцевъ ходили слухи, что баронъ принадлежалъ къ масонской ложѣ-темная же часть Ялуторовска, а тогда этотъ, захолустный и сейчасъ, городокъ почти весь былъ темнымъ, называла Ти-

зенгаузена чернокнижникомъ и чародѣемъ. Слухи эти находили себѣ пищу въ слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Въ нижнемъ подвальномъ этажѣ огромнаго дома барона стояло нѣсколько большихъ алебастровыхъ статуй нимфъ, фавновъ и олимпійскихъ боговъ. Эти «чудовища» съ козлиными ногами и рогатыми головами наводили страхъ на прислугу, убиравшую комнату, и по городу ходили слухи о ночныхъ колдовствахъ Тизенгаузена, объ оргіяхъ его съ чертями и каменными нагими дѣвками.

— Формазонъ! — прозвали его ялуторовцы. Тизенгаузенъ, страстный садоводъ, разбилъ у своего дома на пустырѣ фруктовый садъ, въ которомъ вмѣстѣ съ наемными рабочими каждый день работалъ самъ съ заступомъ въ рукахъ. Онъ самъ разсаживалъ яблони, устраивалъ аллеи, вскапывалъ клумбы и каталъ тачку съ дерномъ, при чемъ шутилъ:

— На каторгѣ выучился.

Мѣщане живо истолковали трудолюбіе Тизенгаузена на свой ладъ.

— Ишь его ворочаетъ. Такой богатый, а самъ тачку катаетъ. Это ему черти спокоя не даютъ.

И при встрѣчѣ съ нимъ тихонько крестились.

Въ домѣ Тизенгаузена не было иконъ, что въ то время было чрезвычайно рѣдкимъ явленіемъ, онъ не любилъ и никогда не принималъ священниковъ, никогда не ходилъ въ церковь и не молился.

Когда горѣлъ домъ барона, то изъ всѣхъ вещей онъ самъ вынесъ статую Нептуна съ трезубцемъ, но болѣе ничего не велѣлъ выносить, пожарнымъ же указалъ на смежныя постройки и коротко бросилъ:

— Отстаивайте это.

Ялуторовцы по этому поводу говорили:

— Формазонъ только главнаго черта вытащилъ. Всѣхъ хотѣлъ сжечь, да испугался.

Страхъ передъ чернокнижникомъ былъ такъ великъ въ народѣ, что несмотря на то, что домъ Тизенгаузена съ драгоцѣнной, выписанной имъ изъ Риги обстановкой, надворными постройками, амбарами и кладовыми никѣмъ не охранялся и у барона даже не было мужской прислуги, воры никогда не пытались его ограбить.

Впрочемъ, однажды произошелъ такой случай.

Какъ то ночью, возвращаясь отъ Муравьева-Апостола, Тизенгаузенъ замѣтилъ, что въ одинъ изъ амбаровъ проникли воры.—Подошелъ.

— Вы что тутъ дѣлаете, друзья мои?

Ужасу воришекъ передъ появленіемъ чернокнижника не было предѣловъ. Они стояли, не шелохнувшись, трепещущіе, не смѣя выговорить слова.

Баронъ продолжалъ:

— Я вижу у васъ въ рукахъ мѣшки; вамъ, вѣроятно, муки понадобилось. — Ну, берите же скорѣе и ступайте домой, но смотрите, больше безъ моего разрѣшенія не являйтесь!

Дождался, пока воришки трясущимися руками нагребли муки и бросились бѣжать и спокойно пошелъ спать, даже не заперевъ амбара.

Средняго роста, лѣтъ шестидесяти, сѣдоватый, слегка сгорбленный, онъ производилъ впечатлѣніе человѣка, надъ чѣмъ то задумавшагося. Съ рабочими онъ былъ разговорчивъ, разсказывалъ о своей семьѣ, оставшейся въ Ригѣ, о своей работѣ на каторгѣ, о рудникахъ.

— Тамъ вотъ и сгорбился.

Во время ссылки въ Ялуторовскѣ къ Тизенгаузену пріѣзжали два его сына—офицера и прогостили довольно долго. Тизенгаузена помиловали ранѣе, чѣмъ другихъ декабристовъ. Этому способствовали, вѣроятно, большія связи барона. Онъ уѣхалъ изъ Ялуторовска почти годомъ ранѣе другихъ.

И. И. Пущинъ и Е. П. Оболенскій.

И. И. Пущинъ и князь Оболенскій нѣкоторое время жили на одной квартирѣ. Они занимали приличный домъ, имѣли выѣздъ и многочисленный штатъ прислуги.

И. И. Пущинъ и князь Оболенскій имѣли въ Ялуторовскѣ большое знакомство. Первый особенно дружилъ съ почтмейстеромъ Филатовымъ, а Оболенскій съ протоіереемъ Знаменскимъ. Оболенскій отличался набожностью. Его всегда можно было видѣть въ церкви усердно молящимся. Онъ любилъ принимать у себя священниковъ и бесѣдовалъ съ ними по долгу. Въ большіе праздники квартира его была открыта для дѣтей—славильщиковъ.

Съ Пущинымъ у Оболенскаго были дружескія отношенія, хотя онъ, повидимому, не всегда раздѣлялъ взгляды своего друга. Пущинъ не былъ особенно набоженъ, чрезвычайно рѣдко посѣщалъ церковь, но священниковъ по праздникамъ принималъ охотно.

Оба эти декабриста отличались большою общительностью и доступностью для народа, помогали обращавшимся къ

нимъ и деньгами и совѣтомъ и юридическими знаніями. Они никогда не отказывали какому-нибудь бѣдняку—крестьянину или крестьянкѣ написать письмо сыну—солдату, составить прошеніе, жалобу или заявленіе. За это и Пущинъ и Оболенскій пользовались уваженіемъ и любовью мѣстнаго населенія, несмотря на то, что на этихъ декабристовъ, да еще на Д. И. Якушкина, полиція указывала, какъ на самихъ тяжелыхъ государственныхъ преступниковъ.

Отмѣчу одно, мнѣ кажется, особо важное обстоятельство. Въ кабинетѣ у князя Оболенскаго на столѣ всегда можно было видѣть небольшую неперепletенную книжку, на обложкѣ которой было напечатано крупными буквами—«На смерть Милорадовича».—Книжка содержала біографическіе очерки генерала, а на первой страницѣ, подъ обложкой было напечатано: «Генералъ Милорадовичъ былъ въ 60-ти сраженіяхъ, Богъ его миловалъ, но погибъ отъ руки злодѣя Евгенія Оболенскаго».

Видя эту книжку у Евгенія Оболенскаго, я вмѣстѣ съ другими недоумѣвалъ, почему она всегда лежитъ на видномъ мѣстѣ. По этому поводу въ городѣ носилось много слуховъ. Говорили, что держать передъ глазами эту книжку князю предписано правительствомъ въ наказаніе за убійство Милородовича—чтобъ терзался совѣстью.

Другіе говорили, что самъ Оболенскій наложилъ на себя это наказаніе.

Благодаря, вѣроятно, этой книжкѣ, въ Ялуторовскѣ всѣ были увѣрены, что Милородовича убилъ Оболенскій и лишь впослѣдствіи я узналъ, что генералъ палъ отъ руки Каховскаго.

Въ Ялуторовскѣ князь Оболенскій женился.

Женился онъ на своей горничной, неособенно красивой, не интеллигентной и неграмотной дѣвушкѣ, происходящей изъ бѣдной семьи мѣщанъ Ялуторовска. Женитьба эта надѣлала много шума и даже почти всѣ остальные декабристы отвернулись отъ князя за этотъ mesalians.

Но князь не смутился общимъ негодованіемъ. Онъ дѣятельно занялся общимъ развитіемъ своей жены и черезъ годъ она была хорошо грамотна, развилась и стала держаться настолько прилично, что всѣ отвернувшіеся было отъ Оболенскаго декабристы стали принимать ее и вновь бывать у Оболенскаго.

Отъ этого брака у князя родилось три сына. Князь очень любилъ жену и дѣтей и имѣлъ на семью чрезвычайно хо-

рошее вліяніе. По окончаніи срока ссылки, они уѣхали въ Петербургъ, при чемъ подорожная была выдана на «малолѣтнихъ князей Оболенскихъ», такъ какъ самому Евгенію Петровичу и его женѣ княжеское достоинство возвращено не было.

И. И. Пущинъ, когда послѣ женитьбы князь Оболенскій переѣхалъ на другую квартиру, остался на первой и прожилъ въ ней одинокимъ до выѣзда изъ Ялуторовска, не прерывая дружбы съ семьей князя.

Остальные декабристы. Школа.

Замкнутѣе всѣхъ жилъ М. И. Муравьевъ-Апостолъ. Его рѣдко можно было видѣть на улицахъ города. Жилъ онъ съ женой въ собственномъ, хорошо обстановленномъ домѣ. При домѣ былъ небольшой садикъ, въ которомъ часто Матвѣй Ивановичъ сиживалъ съ женой и пилъ чай. Не знаю, были ли у нихъ дѣти и гдѣ они жили, съ ними же жила лишь воспитанница-племянница, дѣвушка Созоновичъ.

Изъ всѣхъ декабристовъ М. И. былъ особенно друженъ съ Тизенгаузеномъ, почему и его называли масономъ. Характеръ у М. И. былъ суровый и настойчивый. Про него разсказывали, что, когда при проѣздѣ Наслѣдника, позже ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II, черезъ Ялуторовскъ всѣмъ декабристамъ приказано было не выходить изъ квартиръ, М. И. не послушался приказа, пытался выйти и лично увидать Наслѣдника. Только ударъ въ грудь прикладомъ отъ караульнаго солдата заставилъ М. И. покориться силѣ.

Во время проживанія М. И. въ Ялуторовскѣ у него временно жили и нѣкоторое время учились въ ялуторовской школѣ братья Созоновичъ и пріѣзжали дѣти умершаго въ Баргузинѣ декабриста Кюхельбекера.

Матвѣй Ивановичъ уѣхалъ изъ Ялуторовска вмѣстѣ съ другими въ 1856 г. Онъ дожилъ до глубокой старости. Въ Москвѣ, когда короновался ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ III, 92 лѣтній М. И. Муравьевъ-Апостолъ, которому тогда было возвращено дворянство и всѣ знаки отличія, полученные имъ во время войны 1812 г., былъ въ числѣ другихъ почетныхъ гостей.

А. А. Ентальцевъ жилъ также съ женой. Жилъ онъ скромно и незамѣтно. Незадолго до помилованія онъ сошелъ съ ума и умеръ. Жена его еще нѣкоторое время прожила въ Ялуторовскѣ, а потомъ куда то уѣхала.

Такъ же незамѣтно прожилъ свое поселеніе въ Ялуторовскѣ и Н. В. Басаргинъ, женившійся тамъ на купчихѣ, вдовѣ Медвѣдевой.

Иванъ Димитріевичъ Якушкинъ жилъ одиноко въ отдѣльной квартирѣ. Все время поселенія въ Ялуторовскѣ Якушкинъ принималъ самое живое и горячее участіе въ основанной декабристами школѣ. Любитель метеорологіи и естественныхъ наукъ, Якушкинъ у себя во дворѣ поставилъ столбъ, на которомъ были устроены солнечные часы, поставленъ барометръ и флюгеръ. Несмотря на то, что Якушкинъ своей школой сдѣлалъ много добра городу и пользовался любовью учениковъ и уваженіемъ болѣе сознательной части горожанъ, темный народъ его не любилъ. Скоро разнесся нелѣпый слухъ, что Якушкинъ „посредствомъ своего столба съ дьявольскимъ флюгеромъ отводитъ тучи и дѣлаетъ засуху“— и два раза ночами, къ великой досадѣ Ивана Димитріевича, этотъ столбъ срубали.

Якушкинъ велъ строгій образъ жизни, занимаясь больше науками и чтеніемъ книгъ, и слылъ за чрезвычайно начитаннаго и ученаго человѣка. Но въ обхожденіи Ив. Д. былъ простъ, чрезвычайно любилъ дѣтей, былъ каждому доступенъ. Лѣтомъ его можно было видѣть каждый день на рѣкѣ, гдѣ онъ подолгу купался. Купался онъ почти до заморозковъ, а съ первымъ льдомъ купанье перемѣнялъ на коньки.

Основанная и содержавшаяся на средства декабристовъ школа находилась въ спеціально для нея выстроенномъ декабристами же, въ соборной оградѣ, зданіи. До открытія этой школы, названной духовной, но впослѣдствіи переименованной въ приходскую, въ Ялуторовскѣ было лишь одно училище—уѣздное. Въ уѣздное училище принимались исключительно дѣти чиновниковъ, купцовъ и мѣщанъ, дѣти же крестьянъ, поселенцевъ и солдатъ не принимались. Вслѣдствіе этого открытіе духовной школы было существеннымъ благодѣяніемъ для низшихъ сословій и въ школу охотно шли учиться дѣти всѣхъ возрастовъ и сословій. Пріемъ въ школу не былъ ограниченъ возрастомъ и нерѣдко можно было видѣть ученикомъ школы, особенно послѣднихъ ея отдѣленій, юношу лѣтъ 20.

Официальными преподавателями школы считались двое неокончившихъ курсъ семинаристовъ, а именно - соборный дьячекъ, Евгеній Флегонтовичъ Сѣдачевъ и пономарь Христофоръ Федоровичъ Иваницкій. Смотрителемъ же неофиціально былъ И. Д. Якушкинъ, который часто посѣщалъ

школу и наблюдалъ за общимъ ходомъ ученья. Оба учителя получали указанія главнымъ образомъ отъ Ивана Димитріевича.

Такъ какъ за школой былъ учрежденъ строгій надзоръ полиціи, то декабристы, за исключеніемъ Якушкина, бывали въ ней чрезвычайно рѣдко. Вообще открытіе школы, хотя неофиціальное завѣдываніе ею Якушкинымъ, общее вліяніе на нее другихъ декабристовъ и т. п.—все это было обязано соборному протоіерею, отцу Стефану Знаменскому, человѣку уважаемому, умному и по тогдашнему хорошо образованному.

Въ школѣ преподавалась азбука по самому послѣднему методу, введенному Якушкинымъ, чтеніе, письмо, правописаніе (грамматика), псалтырь, часовникъ, законъ Божій, а съ 5-го отдѣленія—латинскій и греческій языки, причемъ даже преподавалась грамматика этихъ языковъ.

Всего отдѣленій было 9, но изъ отдѣленія въ болѣе старшее отдѣленіе переводили по способностямъ, такъ что нѣкоторые кончали школу въ 3—4 года. Въ младшихъ классахъ преподавали ученики старшихъ отдѣленій, т. к. въ школѣ учениковъ было до 100 человѣкъ, а учителей лишь 2 на всѣхъ.

Способъ преподаванія былъ главнымъ образомъ наглядный, по таблицамъ, книгъ же не было, за исключеніемъ псалтыря и часослова.

Сергѣй Семеновъ.

О частушкахъ Енисейской губерніи*).

Мм. Гг.

Настоящимъ докладомъ мнѣ хотѣлось бы познакомить уважаемое общество съ тѣми частушками, которыя поются въ Енисейской губерніи, гдѣ онѣ, какъ и вообще въ Сибири, болѣе всего сохранили народный характеръ, являясь, какъ и всякая народная пѣснь, отраженіемъ извѣстнаго періода народной жизни, народнаго воззрѣнія на тотъ или иной народный обычай, а иногда являясь лишь продуктомъ личныхъ переживаній. Между тѣмъ, какъ частушки, поющіяся въ нѣкоторыхъ городахъ Россіи, напримѣръ, въ Кіевѣ, Харьковѣ, главнымъ же образомъ въ приволжскихъ торговыхъ центрахъ, каковыми являются Н.-Новгородъ, Самара и др. (исключая деревень), носятъ уже личный индивидуальный характеръ. Здѣсь онѣ поются въ ресторанахъ шантанными пѣвцами, которые и являются, такъ сказать, созидателями этихъ популярныхъ въ народѣ четырехстишій, представляющихъ часто изъ себя не что иное, какъ извѣстную комбинацію оканчивающихся въ рифму словъ, иногда совершенно непонятныхъ, иногда блестящихъ неостроумнымъ юморомъ.

Приведенныя въ рефератѣ частушки записаны мной въ разныхъ мѣстахъ нашей обширнѣйшей Енисейской губерніи. Запись производилась какъ со словъ отдѣльныхъ лицъ (напримѣръ, въ Ачинскомъ уѣздѣ; въ селѣ Медвѣдскомъ, той же волости и въ селѣ Ильинскомъ (Неньки), Назаровской волости), со словъ поющей компаніи, такъ равно записаны и тѣ частушки, которыя приходилось слушать въ разныхъ мѣстахъ въ юношескіе годы автору реферата, участнику подобныхъ компаній.

На мой вопросъ: нѣтъ ли среди крестьянъ сочинителей частушекъ? — мнѣ всегда отвѣчали отрицательно, а когда я задалъ аналогичный вопросъ крестьянину — лодочнику, везшему меня на паузкѣ по Ангарѣ, онъ отвѣтилъ: „Отъ бездѣлья што-ли сочинять-ту ихъ? Кабы бездѣлье было, сидѣлъ бы и сочинялъ, а то, вишь, нековды. Такъ вотъ и поемъ,

*) Читано 8 февраля т. г. въ Москвѣ въ Комиссіи по Народной словесности при Этнографическомъ Отдѣлѣ И. О. Л. Е. А. и Э.

што поеца". Подобные отвѣты приходилось слушать и отъ другихъ крестьянъ.

Почти съ увѣренностью можно предположить, что частушки, поющіяся въ Енисейской губерніи, не мѣстнаго происхожденія — онѣ занесены къ намъ изъ Европейской Россіи гдѣ частушки появились гораздо раньше. Это видно изъ разсказовъ мѣстныхъ старожиловъ, увѣряющихъ, что всего какихъ-нибудь 20—25 лѣтъ тому назадъ, по крайней мѣрѣ въ Енисейской губерніи, они не слышали подобныхъ нѣсенъ, въ настоящее же время нѣтъ той деревни, нѣтъ того населеннаго уголка, гдѣ бы не нѣлись частушки, развѣ исключеніе составятъ только улусы минусинскихъ инородцевъ, кочующихъ на сѣверѣ губерніи, гдѣ поэзія носитъ совершенно иной характеръ. Само названіе въ нашей мѣстности частушекъ „саратовъ", „саратовская", склоняетъ къ высказанному предположенію. Лишь за послѣднее время онѣ извѣстны у насъ подъ названіемъ „качинской", но это названіе встрѣчается исключительно въ Красноярскѣ, да и то лишь на Качѣ.

Получивъ свое начало въ Россіи, частушки и къ намъ перешли съ россійскимъ варіантомъ, затѣмъ россійскій варіантъ постепенно замѣнился мѣстнымъ, сибирскимъ, или утратилъ свое первоначальное значеніе и, наконецъ, за послѣдніе 5—6 лѣтъ, подъ вліяніемъ нахлынувшей въ Сибирь переселенческой волны, варіанты россійскихъ и сибирскихъ частушекъ смѣшались и теперь весьма трудно опредѣлить мѣсто сложенія частушекъ, поющихся у насъ.

Рѣка Волга, обычно фигурирующая въ частушкахъ, замѣнилась Качей:

„Милый мой по Качѣ плавалъ,
Утонулъ, паршивый дьяволъ".

Или первоначальный варіантъ:

„Ты, извозчикъ, — возьми долги —
Довези меня до Волги",

замѣнился слѣдующимъ:

„Ты, извозчикъ, подай клячу,
Увези меня на Качу".

Что прежде приписывалось Саратову, теперь приписывается и Красноярску:

„Красноярска — городъ славный —
На рѣкѣ стоитъ большой,
Въ немъ живетъ народъ богатый —
Настоящій продубной".

Рѣки Волга и Дунай, городъ Одесса и др. по настоящее время держатся въ мѣстныхъ варіантахъ:

„Какъ по Волгѣ, по Дунаю
Мы доплыли до Китаю“
Или:
„Плылъ по рѣчкѣ по Дунаю,
Свою милку я не знаю“.
„Въ городѣ Одессѣ
Гостиница „Китай“;
Приходитъ забастовщикъ—
„Полбутылки дай“.

А вотъ и частушка, принесенная къ намъ съ юга Россіи, поется въ Красноярскѣ:

„Милый мой, пойдемъ со мной:
На горѣ свѣтае,
По задворкамъ обойдемъ,
Никто не видае“

Варіанты многихъ частушекъ взяты просто изъ извѣстныхъ народныхъ пѣсенъ. Напримѣръ, въ Енисейскѣ поются слѣдующія частушки, взятыя изъ пріискательскихъ пѣсенъ, записанныхъ моимъ товарищемъ со словъ пріисковыхъ рабочихъ „Сѣверной тайги“:

„Таратайка на смазѣ,
По оси она въ грязѣ“;
„Мы по собственной охотѣ
Были въ каторжной работѣ—
Въ сѣверной тайгѣ“.

Частушка, поющаяся въ Красноярскѣ, взята тоже изъ распространенной народной пѣсни:

„Мы сидѣли съ Ванькой въ полѣ,
Вили нитки на клубокъ,
Не стерпѣло сердце болѣ—
Я открылась въ тотъ денекъ“.

О какомъ либо подраздѣленіи частушекъ на игорныя, плясовыя и т. п. говорить не приходится, если онѣ и существуютъ, то въ весьма незначительномъ количествѣ. Только однажды, именно въ 1903 году, въ дер. Юрты, на вечеркѣ, мнѣ удалось слышать частушку плясового характера. Пляска сопровождалась пѣніемъ:

„Полька, полька и кадрель,
За волосья и за дверь“.

Что касается внѣшней стороны частушекъ, то онѣ состоятъ изъ двухстишій:

„Что ты, милка—твоя воля—
Тебѣ радость, а мнѣ горе“. (Красноярскъ).

Чаще всего изъ четырехстишій:

„Сорву вѣтку винограду,
Брошу милому въ ограду;
Когда вѣточка завянетъ,
Тогда милъ меня спомянетъ“ (с. Ильинское)

Рѣже изъ шестистишій:

„Дѣвки въ лодочкахъ катались,
По залодочкамъ вода,
Бѣлы платьи замочили—
Перевозчикамъ бѣда:
Перевозчикъ молодой,
Сушитъ платьи надъ водой“. (с. Ильинское).

Совсѣмъ рѣдко—изъ восьмистишій:

„Рыбочка на вилочкѣ,
Миленокъ на замочкѣ,
Миленокъ на замочкѣ,
Шьетъ милой ботиночки.
Ботинки на подклеечкѣ,
Несетъ своей злодѣечкѣ.
Ботиночки шевровыя
Съ шнурочками шелковыми“ (Енисейскъ).

Часто въ этихъ народныхъ произведеніяхъ не выдерживается рифма. Какъ на примѣръ, можно указать на два послѣднихъ стиха слѣдующей частушки:

„Милая фартовая,
Юбочка бордовая;
Отчего бардовая—
Она въ меня влюбленная“. (д. Базаиха).

Иногда, рифма и совсѣмъ отсутствуетъ*):

„Доктора у насъ хороши—
Сразу правятъ на тотъ свѣтъ“;
„Въ Красноярскомъ тучи ходятъ,
Въ Енисейскомъ громъ гремитъ“. (Красноярскъ).

1) Правда, такое явленіе мы наблюдаемъ почти исключительно на частушкахъ изъ двухстишій, тогда какъ въ остальныхъ случаяхъ рифма сохраняется.

Во многихъ частушкахъ повторяется второй стихъ:

„Милый мой, такой баской,
Изъ деревни изъ Гарской,
Изъ деревни изъ Гарской
Истомилъ меня тоской". (Енисейскъ).

„Я пойду на огородъ,
Изъ села народъ идетъ,
Изъ села народъ идетъ,
Мой миленокъ напередъ". (д. Малѣева на Чунѣ).

Мелодія частушекъ не вездѣ одинакова: на югѣ губерніи она проста и тягуча, между тѣмъ, какъ на сѣверѣ частушка поется ускореннымъ темпомъ и болѣе мелодична. То же самое можно сказать и о припѣвахъ, повторяющихся два раза послѣ пѣнія каждаго двухстишія. Болѣе пріятный для слуха припѣвъ на Ангарѣ и Чунѣ:

Ой! тай, тай, тай: та, та, та, та,
Та, та, та, та, та, та, та, та".

Въ д. Ноймѣ на р. Оцѣ:

„Ты чернява, ты чернява
Чернабровая моя".

Въ Енисейскѣ припѣваютъ:

Хой-ляй, цин-ляй,
Сѣла да поѣхала".

Въ Красноярскѣ:

„Сербилъ, сербилъ, сербилъ, сербилъ,
Сербилъ, дергалъ, дралъ";
„Архипъ, Архипъ, толкай, толкай,
Давай опеть толкай".

Въ дер. Юрты:

„Терябила, дергала,
Царапала, рвала".

Въ Ангарскомъ краѣ частушки поются болѣе дѣвушками, въ городахъ парнями и въ остальныхъ мѣстахъ губерніи — тѣми и другими.

Въ праздники или будни, въ свободное отъ работъ время, подвыпившіе парни собираются группами въ нѣсколько человѣкъ, среди нихъ гармонистъ.

Идя по улицамъ города, гармонистъ играетъ „саратова", а парни поютъ частушки, послѣ каждой припѣвая:

„Ты гарги ходи гарги ко мнѣ гарги по чагорги,
Ты гарги люби гарги меня гарги по слагорги",

сопровождая подобный припѣвъ дикимъ гиканіемъ и свистомъ.

Такъ какъ главный предметъ, сопровождающій пѣніе частушекъ, „гармонь“, то существуетъ много варіантовъ, посвященныхъ ей; она сравнивается даже съ хлѣбомъ и называется „гармошкой матушкой“, или „тальяночкой“:

„Ты гармошка—матушка,
Лучше хлѣба батюшки“.
„Ни проѣхать, ни пройти—
Бугорочки, ямочки;
Не проходитъ милый мой
Мимо безъ тальяночки“.
„Шелъ я верхомъ, шелъ горой,
Несъ тальянку подъ полой.
Спотыкнулся въ ямочку,
Изломалъ тальяночку“.

Послѣднее обстоятельство заботитъ гармониста и онъ любовно обращается къ ней:

„Что, гармошка, не играешь,
Развѣ стону въ тебѣ нѣтъ?“

Въ городскихъ частушкахъ мы чаще всего видимъ отраженіе молодецкой удали.

Въ Красноярскѣ лѣтъ пять-шесть тому назадъ молодежь сильно увлекалась такъ называемыми „войнишками“. Участвующіе въ нихъ раздѣлялись на нѣсколько, враждующихъ между собой, лагерей, причемъ большую роль въ раздѣленіи играло мѣстожительство: живущіе за рѣкой Качей, назывались „заканчинцами“, на Мало-Качинской улицѣ—„малокачинцами“, на Больше-Качинской—„большекачинцами“, а эти всѣ три группы, въ свою очередь, объединялись въ общую группу „качинцевъ“ или просто „качи“, названной такъ по протекающей въ этой части города р. Качѣ. Затѣмъ, жительствующіе въ Кузнечныхъ рядахъ (въ настоящее время Ново-Кузнечная улица) назывались „кузнечниками“, въ Теребиловкѣ—„теребилашниками“, а въ Николаевкѣ (предмѣстьѣ города, гдѣ живетъ исключительно желѣзнодорожный рабочій людъ)—„желѣзнодорожниками“, или „николаевцами“. Подобное дѣленіе сохранилось до сихъ поръ.

Для „войнишки“ выбиралось опредѣленное мѣсто: весной и лѣтомъ у часовенки на Афонтовой горѣ, осенью и зимой р. Кача. Конечно, главную роль здѣсь играли не времена года, а полиція и казаки, которые если угоняли „войнишку“ съ Качи, она появлялась на горѣ, и— обратно. За горой было то преимущество, что здѣсь было открытое и сво-

бодное отъ жилищъ мѣсто со множествомъ камней—„оружія“ для воюющихъ сторонъ. Если бой былъ особенно ожесточенъ, „войнишка“ нерѣдко переносилась на ближайшія улицы города. Любители сильныхъ ощущеній вооружались подзорными трубками, биноклями и восхищались непобѣдимостью той или другой стороны, а, между тѣмъ, каждая изъ „войнишекъ“ приносила много раненыхъ, иногда и убитыхъ. Еще не такъ давно, кажется, въ началѣ 1912 года „войнишка“ вновь вспыхнула между „качинцами“ и „николаевцами“, въ результатѣ трое убитыхъ и нѣсколько человѣкъ раненыхъ.

Каждая изъ армій предводительствовалась отличающимися своимъ звѣрствомъ и отчаянностью парнями, изъ которыхъ извѣстностью пользовались: головорѣзъ Абашкинъ—впослѣдствіи приговоренный военнымъ судомъ къ разстрѣлу за какія то „дѣянія“ во время военной службы, затѣмъ нѣмой, зарѣзанный однимъ изъ своихъ товарищей, и Шохинъ, бывшій въ періодъ политическихъ волненій сыщикомъ, а затѣмъ сосланный на каторжныя работы. Естественно, что подобныя лица не могли скоро исчезнуть изъ памяти красноярцевъ, и въ одной изъ частушекъ поется:

„Какъ Абашкинъ на Большой*)—
Такъ ребята всѣ домой,
А Нѣмой появится—
Ребятамъ не поглянется,
Езливъ Шохинъ къ намъ придетъ—
У насъ война наладъ пойдетъ“,

а въ другой восхваляется удаль**) „качинцевъ“, какъ болѣе храбрыхъ, отличающихся своимъ хулиганствомъ:

„Наши качински ребята
Однимъ словомъ молодцы:
Стекла бьютъ, ворота мажутъ
И кузнечнымъ не уважутъ“.

Не смущаютъ „качинцевъ“ и частые ихъ аресты при полицейскихъ частяхъ:

„Сколь мы пили и гуляли—
Во вторую часть попали.
Во второй части привольно:
Хлѣба сущнаго довольно“.

*) Главная улица въ Красноярскѣ.

**) Такое явленіе мы наблюдаемъ и въ другихъ городахъ губерніи, напримѣръ, въ г. Енисейскѣ воспѣвается удаль „параходскихъ“:

Кромѣ того, „качинцы“ въ своихъ частушкахъ восхваляютъ качинскихъ дѣвицъ:

„Какъ на Качѣ грязь и тина—
Тамъ дѣвченки, какъ картина,
„Уходите, шарлатаны,
Параходски идутъ пьяны“.
Какъ на Качѣ грязь и кочки—
Тамъ дѣвченки, какъ цвѣточки“.

И, наоборотъ, унижаютъ дѣвицъ Кузнечной улицы:

„На кузнечной фонари—
Тамъ дѣвченки звонари“.

„Теребилашники“ же поютъ:

„Теребилошный кварталъ—
Чѣмъ онъ разукрашенъ:
Пеньями, кореньями,
Дѣвченками твореньями“.

Не ускользнули отъ частушекъ и дома терпимости, вытянувшіеся длинной веренницей по Садовой улицѣ:

„На Садовой заведенья—
Въ нихъ дѣвченки объяденья“.
„Вьются голуби надъ рѣчкой,
А ребята на Большой,
Плачетъ матушка надъ дочкой,
Что гуляетъ на Садовой“.
„По Садовой фонари,
Выбиты окошки,
Сидятъ дѣвки на диванѣ,
Курятъ папироски“.

Масса поется частушекъ юмористическаго содержанія:

„Пароходъ баржу везетъ—
Баржа сѣмячки грызетъ“.
„Стою, плачу у телѣги—
Слезы льются колесомъ“.
„Что ты, милка—перемилка,
Тебѣ гробъ, а мнѣ могилка,
На могилкѣ здѣлу выходъ,
Не могу безъ милки дыхать“.
„Что ты, мила, пріуныла—
Не слыхать твоихъ рѣчей,
Развѣ брюхо заболѣло—
Не купить ли калачей“.

„Сидитъ милый на заборѣ,
Съ мелонхоліей во взорѣ.
Я не долго думала,—
Подошла и плюнула".

Тамъ, гдѣ частушки поются парнями и дѣвицами, а это можно наблюдать лишь въ деревняхъ—тамъ и варіанты частушекъ далеко разнообразнѣе.

Обычно вечеромъ, а въ воскресенье и праздничные дни и днемъ, послѣ обѣдни, парни во главѣ съ гармонистомъ идутъ по деревнѣ съ пѣніемъ частушекъ, припѣвая:

„Терябила, дерьгала,
Деребала, карябала",

также сопровождая припѣвъ гарканіемъ и свистомъ. Причемъ каждый парень старается выказать себя передъ дѣвушками, что выражается развалистой походкой; или же парень старается показать, что онъ пьянъ, другими словами, какъ говорятъ, парень „ломается". Такія „ломоты" дѣвушкамъ нравятся. Сами дѣвушки поютъ частушки, или сидя на скамьяхъ у воротъ, иногда просто на бревнахъ, или же проходя по деревнѣ, держа другъ друга за талію. Каждая изъ нихъ также старается понравиться парнямъ, кокетничаетъ и также „ломается".

Въ деревенскихъ частушкахъ отразились самыя разнообразныя явленія крестьянской жизни.

Часто можно наблюдать, что жители (особенно молодежь) двухъ сосѣднихъ деревень, селеній, или одного селенія, раздѣленнаго рѣкой на двѣ части, находятся во враждебномъ отношеніи. Ихъ отношенія проявляются и въ частушкахъ. Такъ, парни с. Свинцево поютъ про дѣвицъ сосѣдняго села Маганскаго и дер. Юрты:

„Какъ малански дѣвки модны—
По три дня сидятъ голодны,
Золотыя кольца носятъ,
Подъ окошкомъ хлѣба просятъ.
А во Юртахъ по модѣ,
По недѣли голодны".

Въ селѣ Кежемскомъ на р. Ангарѣ дѣвицы „кежемской" стороны поютъ про своихъ подругъ „зарѣчной" стороны:

„Какъ зарѣчины дѣвки дуры—
Понашили юбки буры,
Понашили юбки буры,
За политикой*) подули".

*) На Ангару въ дни реакціи было выслано много политическихъ ссыльныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ уже отбыли свое наказаніе, но многіе еще остались коротать свой вѣкъ въ ссылкѣ.

Между переселенцами изъ Россіи и старожилами—сибиряками часто происходятъ неурядицы изъ за земель или лѣсовъ. Россійскіе называютъ сибиряковъ „чалдонами“, а эти обзываютъ переселенцевъ „лапотонами“.

Дѣвушки—переселенки Канскаго уѣзда поютъ:

„Не ходила, не пойду
Въ лѣсъ я за грибами,
Напугалъ меня чалдонъ
Синими штанами“.

Старожилы поютъ тамъ же:

„Какъ въ Чертетѣ окна биты,
Лапатоны вшивы—бриты“.

Но бываетъ, что дѣвушки относятся съ иронiей къ парнямъ своего села. Дѣвицы с. Вознесенскаго (Батой) воспѣваютъ своихъ парней:

„Какъ батойскіе ребята
Однимъ словомъ молодцы:
Ногой топнутъ, брюки лопнутъ,
Всѣ заплаты отлетятъ“.

Бываетъ и такъ, что дѣвушкамъ надоѣдаютъ свои парни и онѣ называютъ ихъ „чалдонами“, „чаквасами“*). Въ дер. Бугачевой дѣвушки поютъ:

„Золото мое колечко
Хуже оловяннаго,
Надоѣли намъ чалдоны
Хуже окаяннаго“.

Въ с. Кежемекомъ:

„Уходите чиквасье—
Къ намъ идутъ артисты,
Къ намъ идутъ опеть артисты—
Двое гармонисты“.

Въ деревняхъ Красноярскаго уѣзда:

„Не хочу я первачу,
Хочу второго сорта;
Я чалдона не люблю
Посылаю къ черту“.

Нѣкоторыя дѣвушки недолюбливаютъ писарей своего села за ихъ навязчивость:

„Охъ, охъ, не дай Богъ,
Съ писарями знаться:
Они съ черными усами
Лѣзутъ цѣловаться“,—поютъ въ с. Кежемскомъ.

*) Слово аналогичное по значенію со словомъ «чалдонъ;» такъ называются чалдоны на Ангарѣ.

Во многихъ частушкахъ высказывается любовное отношеніе парня къ дѣвицѣ или дѣвицы къ парню:

„Милый мой, а я твоя,
Окинь полой, озябла я,
Окинь правою полой—
Куда пойдешь и я съ тобой“,—поютъ на Ангарѣ.
„Милый мой, а я твоя,
Куда хочешь дѣнь меня,
«Хоть на быструю рѣку—
Не хочу жить на вѣку», —поютъна р. Чунѣ.

Въ другомъ варіантѣ милый называется «земчугомъ дорогимъ»:

«Сеня, Сеня, Сеня мой,
Сеня земчугъ дорогой.
За рѣкой воркуй воркуетъ
Сеня лавочкой торгуетъ»,—поютъ въ дер. Малѣевой.

Дѣвушка восторгается голосомъ своего возлюбленнаго, другая любитъ милаго за «веселую рѣчь»:

«У моего у милого
Подъ ярмошку волоса,
Запоетъ онъ пѣсню важну—
Всѣ покроетъ голоса»,—поютъ въ д. Бугачевой.
«Сшила блузку въ крыльцахъ узку,
Съ якорями на плечахъ,
Я люблю сваво милого,
Что веселый на рѣчахъ». (Тамъ же.)

Парень также любитъ свою милую, онъ «лелѣетъ ее :

«Милка спитъ, а я лелѣю,
Разбудить ее не смѣю» (Д. Дрокина.)

Онъ сравниваетъ ее съ «полуночной звѣздой», иногда и на вечеркѣ не желаетъ присутствовать безъ милой:

«Сколько звѣздочекъ на небѣ—
Полуночной звѣзды нѣтъ,
Сколько дѣвокъ на вечеркѣ,
А моей милашки нѣтъ»,—поютъ въ д. Базаихѣ.
«Нѣту елочки кудрявой,
Нѣтъ березки листовой,
Нѣту милой на вечеркѣ—
Соберусь, иду домой». (Тамъ же.)

Онъ всю ночь думаетъ о своей «кралечкѣ крестовой», защищаетъ свою милую, хотя ему грозитъ явная опасность:

«Ой ты, милочка моя,
Кралечка крестовая,—
О тебѣ всю ночь продумалъ я,
О тебѣ толковая»,— поютъ въ с. Медвѣдскомъ.
«Я за милку грудью стану—
Всѣхъ порѣжу, въ тюрьму сяду»,— поютъ въ д. Базанхѣ.

Часто дѣвушка разочаровывается въ своемъ возлюбленномъ:

«Синя моря во туманѣ
Чайка вьется надъ водой;
По глазамъ миленка вижу,
Что смѣется надо мной»,— поютъ въ д. Юрты.

Она отказываетъ ему въ сватапіи:

«Пойте дѣвочки припѣвочки.
А я сбѣгаю домой,
Обѣщался милый сватать—
Откажи, родитель мой». (На Ангарѣ.)

Но парень увѣщеваетъ свою милую не безпокоиться за его любовь къ ней, онъ называетъ ее любовно «харахорочкой»:

«Харахорочка моя,
Ты не харахорься.
Я люблю тебя чичасъ.
Ты не безпокойся». (Въ с. Вознесенскомъ.)

А иногда и самъ ревнуетъ:

«Что это за рѣченька—
Голуби купаются,
Что это за дѣвочка—
Всѣ въ нее влюбляются.
Голубей я подстрѣлю,
Чтобы не купались,
А милашку утоплю,
Чтобы не влюблялися». (Въ д. Базанхѣ.)

Измѣна возлюбленнаго для дѣвушки равносильна петлѣ:

«Цыпа по воду поѣхалъ,
Цыпа за уголь задѣлъ,
На другой милый женился—
На меня петлю надѣлъ». (Въ д. Ноймѣ.)

Брошенная своимъ возлюбленнымъ, дѣвушка упрашиваетъ его:

«Миленькій, побойся Бога,
Не брось дѣвушку меня,
Я молоденька дѣвченка
Подѣваюся куда?» (Въ с. Магайское.)

Но парень не умолимъ, онъ отвѣчаетъ:

«Что ты, милка, куралесишь—
Я гоню, а ты все лѣзишь»: (Тамъ же.)

Обиженная, она проситъ своихъ подругъ:

«Вы скажите моему СашкѢ,
Что постриглась я въ монашки», —поютъ Въ д. Бугачевой.

Въ другой частушкѢ парень упрекаетъ свою милую за то, что та спокинула его»:

«Ты, кранива, некрасива,
Ты ожалила меня.
ТебѢ милка не спасибо—
Ты спокинула меня». (Тамъ же.)

ДалѢе, онъ угрожаетъ дѣвушкѢ за измѢну «вымазать ворота»:

«Ты Анютка—сѢра утка,
Ни летай съ краю на край,
Я тѢ вымажу ворота 1),
Раскатаю весь сарай». (Въ д. НоймѢ.)

Дѣвушка сожалѢетъ о своемъ одиночествѢ, она завидуетъ своимъ подругамъ, у нея нѢтъ, какъ она говоритъ, «пары»:

«ВозлѢ садика дорожка -
На ней нѢтука травы,
Не обидно ли, подружки,
Я осталась безъ пары», —поютъ въ д. Бугачевой.
«За рѢкой овинъ горитъ—
Дымочку не видно,
Парень съ дѣвицей стоитъ—
Сколько мнѢ завидно», —поютъ подъ Енисейскомъ.

1) Этотъ обычай «мазать ворота» детямъ относится къ юридическимъ древностямъ, т.-е. къ старинному обычному праву, практикуется въ нашихъ деревняхъ и по сію пору. Цѣль «мазанія воротъ»—обратить вниманіе, что дочь хозяевъ даннаго дома потеряла свою дѣвственность, еще не будучи замужемъ: другими словами—опозорить дочь хозяевъ даннаго дома предъ лицомъ мѣстныхъ обывателей. Ясно, что послѢ этого уваженіе со стороны близкихъ и знакомыхъ теряется и дѣвушка этаго служитъ общимъ посмѣшищемъ.

Въ другомъ варіантѣ парни совѣтуютъ дѣвицамъ не любить Ѳедьку—горькаго сироту:

«Не садите дѣвки рѣдьку —
Рѣдьки горьки сѣмена,
Не любите дѣвки Ѳедьку,
Ѳедька—горькій сирота». (Въ д. Малѣевой.)

Но дѣвушки отвѣчаютъ имъ:

«Не расти верба на полѣ,
Расти верба на межѣ,
Не люби ты насъ, богатый,
Люби бѣдный по душѣ». (Тамъ же.)

Далѣе, въ частушкахъ мы находимъ указаніе на насильственную женитьбу.

Дѣвушка крайне сожалѣетъ разстаться со своимъ дѣвичьемъ положеніемъ:

«Неужоле это будетъ
Перемѣночка въ году —
Золоты вѣнцы надѣнутъ
На головку на мою», - поютъ въ с. Кежемскомъ.

Она сердится на свою мать, называетъ ее «ретивой» за то, что та «рано замужъ отдала» ее:

«Моя мамонька ретива,
Въ саду яблокъ сорвала,
Красоту мою сгубила,
Рано замужъ отдала». (Тамъ же.)

Дѣвушка, просватанная за стараго человѣка, уговариваетъ его отказаться отъ нея:

«Ваня, Ваня, Ваничка,
Я тебѣ не парочка:
Ты сѣдая борода,
Я дѣвченка молода».—поютъ въ д. Юрты.

Обвѣнчанная съ нелюбимымъ ей человѣкомъ, она «ненавидитъ» его:

«Передъ зерькиломъ стояла—
Сама себя видѣла,
Молодыхъ ребятъ любила,
Мужа ненавидѣла». (Въ д. Малѣевой.)

Не особенно хорошо живется молодой у свекра и свекрови:

«Свекръ ругаетъ, свекровь гонитъ,
Я разуюсь—не догонятъ». (Въ д. Дрокиной.)

Мамонька не родная —
Похлебочка холодная;
Еслибъ мать родна была,
Щей горячихъ налила, — поютъ въ д. Юрты.

Еще болѣе незавидна жизнь на «чужой сторонѣ».

«Много ласточекъ летаетъ
Въ поднебесной высотѣ,
Много дѣвушекъ страдаетъ
На чужой на сторонѣ». (Въ д. Бугачевой).

Но и у «своихъ» иногда жизнь дѣвушки бываетъ «плоха»:

«На горѣ стоитъ береза,
Боже мой, какая высь!
Сватай, милый, поскорѣе —
Отъ своихъ худая жизнь». (Тамъ же).

Молодой плачется на свою судьбу:

«Рано, рано, мама, женишь
Возьмешь дуру — куды дѣнешь?
Вы зачѣмъ меня женили —
Мою молодость сгубили», — поютъ въ д. Юрты.

«Вы зачѣмъ меня женили —
Тройку коней маяли;
Вы зачѣмъ такую брали,
Чтобы люди хаяли». (Тамъ же).

Въ одномъ варіантѣ парень становится очевидцемъ вѣнчанія своей возлюбленной съ нелюбимымъ человѣкомъ:

„Мою милую вѣнчали —
Я на паперти стоялъ,
Обвѣнчали и умчали —
Я головкой покачалъ». — поютъ въ с. Кежемскомъ.

Но несмотря на это, онъ все же думаетъ выручить свою милую:

«Охо, охо, дѣло плохо —
Милу обвѣнчали,
Я пойду на перебой:
Возьму бутылочку съ собой». (Тамъ же).

Въ другомъ варіантѣ нелюбимая жена называется «холерой»:

«Ты помри, моя холера,
Я тебя похороню,
Крестъ осиновый поставлю 1)
На могилу на твою», — поютъ въ д. Юрты.

1) Крестьяне не любятъ это дерево. По сохранившемуся преданію, на осинѣ повѣсился Іуда; съ тѣхъ поръ листья осины всегда шелестятъ.

Съ такой же яркостью изображено въ частушкахъ положеніе солдатки. Въ одной изъ частушекъ поется объ отчаяніи:

«Тебя, миленькій, забреютъ,
А я горькая куда?
Въ Ангарѣ прорубь большая—
А я голову туда»— поютъ на Ангарѣ.

Въ другой—солдатка называетъ своего мужа-солдата «кровиночкой», а себя «сиротиночкой»:

«Милый мой, пойдемъ домой,
Пойдемъ, моя кровиночка,
Тебя угонятъ въ Портъ-Артуръ—
Останусь сиротиночка»,—поютъ въ Кежемскомъ. 1)

Начинаются проводы, гулянка:

«Милъ послѣдній день гуляетъ
На лошадкѣ вороной.
Увезутъ его въ солдаты
На машинѣ паровой». (Въ д. Дрокиной.)
Тарахорочку куплю 2),
Робить не заставлю,
Во солдатушки иду
Дома не оставлю». (Тамъ же.)
«На горѣ то пашню пашутъ,
Подъ горой платочкомъ машутъ,
Дѣвки пѣсенки поютъ,
Меня—въ солдаты отдаютъ». (Въ д. Бугачевой.)

Но вотъ «отстукали воротички, отбрякало кольцо» и солдатка начинаетъ высказывать свое сомнѣніе о возвращеніи мужа домой:

«Неужоле ты сновянешь
На горѣ, зеленый садъ?
Неужоле не вернется
Мой миленокъ изъ солдатъ?—поютъ подъ Енисейском.

1) Въ Кежемской волости, Енисейской губерніи, и въ сосѣдней Карапчанской, Иркутской губерніи, крестьяне не отбываютъ воинской повинности, поэтому можно думать, что указанный варіантъ заимствованъ тѣмъ болѣе, что онъ встрѣчается повсемѣстно въ Сибири, въ особенности въ Иркутской и Енисейской губерніяхъ. Между прочимъ, одинъ крестьянинъ-старикъ изъ деревни Ковы на мой вопросъ, почему крестьяне Кежемской волости не отбываютъ воинской повинности, разсказалъ слѣдующее.—Былъ это у насъ ссыльный старичекъ Фома Ивановичъ, умѣлъ писать ногамъ и рукамъ. Разъ пришелъ къ намъ на деревню и говоритъ: „Хотите, ребята, я васъ избавлю отъ некручины? Мы говоримъ, что ежели есть на то твоя милость. Ома Ивановичъ избавь. Взялъ это онъ перо и гумагу да ногой и написалъ самому государю письмо. Съ тѣхъ поръ насъ и избавили отъ некручины. Славный былъ старичокъ ино всѣ любили и уважали.

2) Частушка съ намекомъ на куплю невѣсты.

Она тяготится своимъ положеніемъ:

«Сколь я не работала,
Сколь я не старалася.
Всѣ труды мои пропали,
Я одна осталася». (Въ д. Малѣевой.)

Но проходитъ время, она уже начинаетъ свыкаться со своимъ положеніемъ:

«Неюжоле снѣгъ не стаетъ,
Съ горъ не скатится вода,
Слава Богу, привыкаю
Жить безъ милаго дружка»,—поютъ въ дер. Юртил.
«Не отъ солнца снѣжки таютъ,
«Отъ зеленаго лужка.
Слава Богу, привыкаю
Жить безъ милаго дружка». (Въ д. Базанхѣ.)

Другое дѣло:

«Изъ солдатиковъ вернулся
Мужичечекъ дорогой:
Погляжу на тебя, радость,
Поцѣлуй меня, милой»,—поютъ тамъ же.

Въ очень большомъ количествѣ частушекъ отразился пошлый взглядъ на дѣвицу, на женщину, вообще на человѣка, какъ на какое то животное. Въ д. Малѣевой поютъ:

«Надо рѣчку завалить,
Чтобы не было воды,
Надо дѣвокъ задавить,
Чтобы не было бѣды».

Я привелъ бы массу частушекъ, характеризующихъ именно этотъ взглядъ, но порнографическій элементъ, все болѣе и болѣе забирающійся въ нашу народную пѣснь, все болѣе и болѣе заражающій ее необузданнымъ цинизмомъ, не позволяетъ мнѣ сдѣлать этого. Остается только пожелать успѣха въ борьбѣ съ этимъ печальнымъ явленіемъ, съ этой язвой народной.

Интересно, что частушки порнографическаго содержанія поются не только парнями, но и дѣвушками, какъ это слышалъ мой товарищъ въ д. Малѣевой на р. Чунѣ, а я лично наблюдалъ въ с. Кежемскомъ на р. Ангарѣ.

У насъ въ Россіи, въ этнографической литературѣ частушкамъ удѣлена самая малая доля къ этому виду на-

родной пѣсни относятся какъ-то скептически, а между тѣмъ, выяснить генезисъ частушки, прослѣдить ея постепенное развитіе, распространеніе, записать варіанты, припѣвы и мотивы было бы очень и очень интересно. Это—неотложная задача этнографа!

Ив. Чеканинскій.

г. Красноярскъ 8 января 1913 года.

Какъ они открыли школу.

(Разсказъ съ натуры изъ жизни сибирскаго духовенства).

Полдень. На небѣ ни облачка. Воздухъ неподвиженъ. Тишь такая, что даже старая осина, растущая на самомъ краю обрывистаго берега рѣки, не шелохнетъ ни однимъ листикомъ. Жара стоитъ страшная. Солнце какъ бы остановилось надъ маленькимъ въ двадцать плохонькихъ домовъ съ убогою, нагнувшеюся отъ старости лѣтъ, церковью селомъ Мухинымъ, заброшеннымъ на сто верстъ отъ тракта въ самую глубь тайги. Дорога сюда возможна только зимою съ половины ноября и то по рѣкѣ. Все, живущее въ деревнѣ, невольно чувствуетъ приближеніе грозы, которая здѣсь сопровождается страшными таежными ураганами, вырывающими съ корнемъ вѣковыя деревья. Лишь только никогда неунывающіе комары беззаботно поютъ свою пѣсню, не обращая ни малѣйшаго вниманія на состояніе окружающей ихъ природы, да могучая сибирская рѣка спокойно катитъ свои воды туда, гдѣ вѣчный ледъ и холодъ: ей все равно: «реветъ-ли звѣрь въ лѣсу глухомъ, гремитъ-ли громъ на небѣ голубомъ».

На террасѣ небольшого ветхаго домика, у стола съ кипящимъ самоваромъ сидятъ среднихъ лѣтъ мужчина, средняго роста съ солиднымъ брюшкомъ, окладистой русой бородою и такого-же цвѣта длинными волнистыми волосами, полнымъ простоватымъ лицомъ и ничего невыражающими сѣрыми глазами—отецъ Иванъ Долматинскій и его жена Анна Игнатьевна—дебелая деревенская попадья, высокаго роста, съ красивымъ и умнымъ лицомъ и хитрыми карими, пронизывающими насквозь глазами, какъ-бы хотящими заглянуть въ самую душу собесѣдника. Такіе глаза-необходимая принадлежность слѣдователей и околоточныхъ надзирателей, старающихся видѣть больше, чѣмъ они могутъ.

— Ты, мать, затворила-бы всѣ отверстія, какія есть въ домѣ, а то налетитъ буря и опять непредвидѣнный расходъ на вставку стеколъ и починку рамъ -сказалъ о. Иванъ, наливая стаканъ чаю.

— Подумаешь, какой умникъ нашелся! Безъ него не знаютъ,—отвѣтила сердито попадья.

— Ну, не сердись. Умникъ, не умникъ, а голову имѣю, да еще и съ мозгами.

— Да, вѣдь и у теленка есть голова и тоже съ мозгами.

— Завела теперь машину, пожалуй, до вечера не остановишь. Удивляюсь, какъ это тебѣ самой не надоѣсть ворчать цѣлые дни. Помнишь, кажется Достоевскій сказалъ: меньше говори, а больше смѣкай.

— Твой Достаевскій все смѣкалъ, а померъ чуть не съ голоду и съ нами, пожалуй, то же будетъ.

— Ну, я, слава Богу, сыть пока и думаю, что съ голоду помирать не придется; положимъ, хотя приходъ у насъ и бѣдный, но сыть все-таки буду.

— И къ чему только васъ въ семинаріи учатъ? Всѣ вы какіе-то медвѣди, думающіе только о томъ, чтобы сытымъ быть, а тамъ хоть трава не расти; мнѣ кажется, повернии свое теченіе рѣка не на сѣверъ, а на югъ—тебѣ и горя мало.

— Что жъ, на югъ такъ на югъ, я отъ этого ничего не потеряю.

— Я знаю, что тебѣ все равно да и не одному тебѣ, а всѣмъ вамъ, деревенскимъ просвѣтителямъ.

— Ну, мать, ты кажется въ ересь въѣхала.

— Какъ въ ересь?

— Да такъ. Что всѣхъ на одинъ аршинъ мѣряешь.

— Потому что всѣ вы изъ одной фабрики вышли и изъ одинаковаго матеріала.

— Какъ-же это изъ фабрики,—обидѣлся о. Иванъ,-мы вѣдь не товаръ, а люди. И что это за фабрика и что за матеріалъ?

— Людьми вы были только въ дѣтствѣ, а потомъ фабрика въ видѣ бурсы и семинаріи обработала васъ по своему вкусу и шаблону, а матеріалъ, находящійся въ васъ,—это эгоизмъ.

— Теперь ужъ окончательно не понимаю твоей философіи.

— А это должно быть потому, что у тебя есть голова, да еще и съ мозгами.

— Тебя и съ двумя головами не поймешь. Затвердила, какъ попугай: медвѣдь, эгоистъ и больше знать ничего не хочетъ....

— Въ такой глуши озвѣрѣть можно, а не то что опопугаиться, а кто виноватъ?

— Ужъ не я-ли?

— А то кто-же, конечно—ты.

— Да причемъ-же я-то тутъ, вѣдь я не училъ тебя попугайничать!

— Не училъ! Да жизнь сама учитъ.

— Такъ ты на жизнь и пеняй, а не на меня.

— А кто виноватъ въ томъ, что наша жизнь такъ сложилась?

— Опять, навѣрно, я?

— Да, ты, и одинъ ты!

— Чемъ же это позвольте васъ спросить?

— А тѣмъ, что, когда ты сватался ко мнѣ по окончаніи курса, ты завѣрялъ, что мы на этомъ мѣстѣ проживемъ годъ или два, а потомъ переведемся или въ городъ или въ такое подгородное село, гдѣ и людей больше и къ городу ближе. Но вотъ уже десять лѣтъ прошло со дня нашей свадьбы, а мы ни съ мѣста, все въ той же деревушкѣ, гдѣ не съ кѣмъ живымъ словомъ подѣлиться, а вѣдь я человѣкъ. Неужели всѣ восемь лѣтъ я училась для того, чтобы киснуть въ этой глуши, гдѣ солнце то бываетъ только по двунадесятымъ праздникамъ.

— Знаю и отлично чувствую, что тебѣ тяжело, особенно когда я уѣзжаю на нѣсколько мѣсяцевъ по приходу, но что же подѣлаешь? Вѣдь ты сама отлично знаешь, что я не разъ просилъ о переводѣ, но Владыка и слышать не хочетъ: «открой,—говоритъ,—школу, построй домъ для нея, тогда переведу», а на что строить домъ и содержать школу—объ этомъ не спрашиваетъ.

— Проси училищный совѣтъ ассигновать деньги.

— Велика штука! Ассигнуютъ сто рублей на постройку дома да шестьдесятъ рублей на содержаніе учителя, а больше ни копѣйки, да и тѣхъ года два не получишь, а на что содержать тунгусскихъ ребятишекъ и чѣмъ ихъ кормить у насъ не спрашиваютъ. «Обойдется,—говорятъ,—какъ нибудь.» А какъ? Господь вѣдаетъ!

Одинъ изъ наблюдателей совѣтовалъ заставить прихожанъ выстроить школу и содержать на счетъ прихода, но это только говорить можно. Съ бѣднаго мужика и такъ тянутъ во всѣ стороны, а тутъ еще хлѣбъ пятый годъ не родится, да и что соберешь съ двадцати дворовъ; о тунгусахъ и толковать нечего. Они сами мрутъ съ голоду, какъ мухи. Не съ ихъ брать, а имъ помогать надо.

Эхъ, мать, ничего ты въ этомъ не смыслишь, а туда-же толкуешь, вродѣ нашихъ консисторскихъ, которые, не зная гдѣ, что и какъ, шлютъ указъ за указомъ съ приказаніемъ

сдѣлать то-то и то-то, а сами часто не знаютъ—гдѣ находится то село, куда слѣдуетъ отправить указъ.

„А что толковать попустому, пойду лучше къ куму Роману поболтать отъ скуки.

И отецъ Иванъ, одѣвъ старую рясенку съ порыжѣлой шляпой, отправился къ куму.

Кумъ о. Ивана, сельскій писарь Романъ Чалыхъ, бойкій мужчина, уроженецъ города Ярославля, гдѣ и служилъ секретаремъ полиціи, но за разныя тонкія штуки по должности сосланъ былъ въ Сибирь, гдѣ и устроился сельскимъ писаремъ, не забывая и здѣсь утончаться въ разныхъ крючкотворныхъ фокусахъ, которые очень чувствительно отзывались на кочующихъ тунгусахъ, доказательствомъ чему служили соболья шапка писаря, бѣличій тулупъ и иныя пушистыя вещи, находившіяся въ его сундукахъ.

Послѣ обѣда, получивъ почту, писарь собирался залечь на боковую, но его благому намѣренію не суждено было осуществиться, причиной чего послужилъ приходъ кума.

— *Миръ дому сему*, — проговорилъ, входя, о. Иванъ, причемъ широко перекрестился на образъ Св. Николая, висѣвшій въ переднемъ углу.

— Ахъ, куманекъ дорогой! Милости просимъ,—отвѣтилъ Чалыхъ.—Какими это вѣтрами?

— *Внѣшними и внутренними, кумъ.*

— А, понимаю, должно быть кумушка опять удила закусила?

—И не говори, пилитъ съ утра до вечера, хоть топись; я и безъ нея отлично понимаю, что ей тяжело живется, но что подѣлаешь: «противу рожна прати не будешь».

— А школу-то, кумъ, забылъ.

— Ну и ты туда-же,—махнулъ рукой о. Иванъ.—Ужъ если заводить школу, такъ ужъ такую, чтобы она была обезпечена и приносила ту пользу, какую должна приносить, а при нашихъ порядкахъ о подобныхъ школахъ и думать нечего.

—Эхъ, кумъ,—проговорилъ Чалыхъ.—Я бы на твоемъ мѣстѣ, не мудрствуя лукаво, открылъ-бы какую ни на-есть, лишь бы только меня послѣ открытія перевели куда-нибудь.

— Ну, да будетъ толковать объ этомъ; вотъ скажи ка лучше, нѣтъ ли писемъ изъ города.

— Сейчасъ почту получилъ, есть и тебѣ одна слезница чея архіерейскаго дома.

— Давай поскорѣе, это, должно быть, Андрешъ - келейникъ владыки пишетъ.

— Изволь получить,—сказалъ Чалыхъ, доставая изъ стола письмо.

— Спасибо,—проговорилъ о. Иванъ, разрывая дрожащими руками конвертъ, откуда выпалъ большой листъ бумаги, кругомъ исписанный мелкимъ кудреватымъ почеркомъ.

— Ну, ты, кумъ, занимайся посланіемъ, а я похлопочу относительно закусочки и иного прочаго,—проговорилъ Чалыхъ, уходя въ отворенную дверь направо.

О. Иванъ углубился въ чтеніе письма, причемъ по временамъ на его лицѣ появлялась улыбка, но, дочитавъ до средины, онъ издалъ громкое восклицаніе:

— Вотъ такъ штука! Не было печали, такъ черти накачали.

— Что такое случилось?—спросилъ Чалыхъ, входя.—Или къ преподобнымъ *) посылаютъ?

— Во сто кратъ хуже,—отвѣтилъ о. Иванъ сердито.

— Да въ чемъ же дѣло-то?

— А въ томъ, милый куманекъ, что въ концѣ ноября къ намъ пріѣдетъ....

— Китайскій императоръ что-ли?

— А вотъ отгадай-ка: кто?

— Ну, фокусники!

— Еще лучше.

— Мировой?

— Нѣтъ!

— Исправникъ?

— Нѣтъ!

— Благочинный?

— Хватилъ, да онъ всегда ѣздитъ въ мартѣ.

— Ну, такъ владыка что-ли?

— Онъ, собственной своей персоной и со всею свитою.

— Это, дѣйствительно, необыкновенный гость. Я здѣсь живу двадцать лѣтъ, а владыки ни разу не видѣлъ; да что ему здѣсь дѣлать-то?

— Вотъ, поди-жъ ты, вздумалъ и пріѣдетъ; спроситъ, гдѣ школа? Ну, что я ему скажу?

— Плюнь пока на это, пойдемъ лучше выпьемъ, да закусимъ чѣмъ Богъ послалъ.

И пріятели направились въ смежную комнату, гдѣ на столѣ стояли настойки передъ стегномъ козлятины, отъ котораго шелъ горячій паръ.

*) Т. е въ монастырь.

Когда кумовья закусили порядкомъ, конечно, съ приличнымъ возліяніемъ, то Чалыхъ задалъ о. Ивану слѣдующій вопросъ:

— А когда думаетъ пріѣхать владыка?

— Въ концѣ ноября, — отвѣтилъ о. Иванъ.

— А такъ какъ сейчасъ у насъ половина августа, то и выходитъ, что за это время много воды утечетъ въ нашей рѣкѣ, значитъ, по этому поводу слѣдуетъ выпить.

И пріятели, чокнувшись, выпили по красоулѣ.

— Знаешь, кумъ, что бы я сдѣлалъ на твоемъ мѣстѣ? — началъ лукаво Чалыхъ.

— Прозорливостью не обладаю, а потому и не могу знать, что творится въ твоей головѣ.

— Ну, такъ слушай внимательно. Архіерей пріѣдетъ въ ноябрѣ, значитъ черезъ три мѣсяца, а такъ какъ онъ тебѣ сказалъ, что, если ты откроешь школу, то будешь переведенъ на болѣе лучшій приходъ,—вотъ я бы на твоемъ мѣстѣ собралъ бы человѣкъ десять деревенскихъ ребятишекъ и выучилъ бы ихъ читать молитвы наизусть, а также правильному названію иконъ, находящихся въ церкви, потому что по твоимъ разсказамъ онъ, главнымъ образомъ, обращаетъ вниманіе на это.

— Паки и паки рцы.

— А дальше къ пріѣзду его собралъ бы этихъ ребятишекъ въ церкви и представилъ бы какъ учениковъ, а потомъ во время обѣда еще разъ напомнилъ-бы ему о переводѣ, и не забылъ бы при этомъ при ревизіи книгъ владычнымъ секретаремъ вложить въ нихъ извѣстную мзду съ просьбой походатайствовать о переводѣ; знаешь, ласковое дитя двѣ матки сосетъ.

— Ну, и фантазія же у тебя, что твой Жюль-Вернъ; послушаешь, какъ будто такъ и должно быть.

— А то какъ-же? Подумай, вѣдь у тебя матушка есть которой жить хочется.

— Да ты, братъ, настоящій ходатай по дѣламъ! Вотъ не зналъ я раньше, а то бы попросилъ написать слезницу. А кто же будетъ готовить ребятъ, когда мнѣ нужно поѣхать мѣсяца на два по стойбищамъ тунгусовъ, чтобы приготовить дѣла къ пріѣзду владыки.

— А я то на что! Да я тутъ такую аудиторію устрою, что отдай все да и мало, да и матушка навѣрно съ радостію поможетъ.

— А гдѣ помѣщеніе? Да и кто слушать то васъ будетъ, развѣ на веревочкѣ ребятъ поведете?

— Ну, объ этомъ, отче, не безпокойся, — сказалъ Чалыхъ, трепля кума по плечу. — Помѣщеніе у меня въ квартирѣ, благо я одинъ: жена пріѣдетъ черезъ полгода, значитъ, съ этой стороны затрудненіе устранено, а послушаніе то у меня въ рукахъ. Сяду и напишу бумажку, якобы отъ исправника о томъ, чтобы всѣ ребятишки къ пріѣзду владыки знали молитвы и названія иконъ, а себя предложу, какъ учителя. Еще благодарить будутъ. Однимъ словомъ, комаръ носу не подточитъ!

— А если онъ пожелаетъ заглянуть въ школу?

— Эхъ, чѣмъ удивилъ! Скажемъ, что школа открыта недавно и помѣщается въ наемномъ домѣ. Я на всякій случай все лишнее уберу, поставлю столъ, чернила и нѣсколько лавокъ, меня же представишь, какъ учителя, а тамъ ужъ я знаю что говорить, а выпить-то по этому поводу не мѣшаетъ, — кончилъ Чалыхъ, наливая рюмки.

Но только что пріятели успѣли выпить, какъ раздался страшный ударъ грома, отъ котораго домъ писаря потрясся въ своемъ основаніи. Это начиналась страшная таежная гроза, сопровождаемая ужаснымъ ураганомъ, вырывавшимъ, какъ былинки, деревья въ обхватъ толщиною. Рѣка кипѣла, какъ котелъ съ водою въ раскаленной печи. Горе запоздавшему рыболову, застигнутому этимъ ураганомъ: ему не видаться больше съ дѣтьми и женою, разсвирѣпѣвшая рѣка задушитъ его въ своихъ холодныхъ объятіяхъ.

О. Иванъ при ударѣ грома заторопился домой, боясь за свою жену, страдающую во время грозы припадками, присущими женщинамъ.

Чалыхъ, прощаясь съ кумомъ, посовѣтовалъ ему подумать на досугѣ о томъ, что они говорили.

Придя домой, о. Иванъ передалъ женѣ разговоръ съ кумомъ. Та нашла, что умнѣе этого ничего не придумаешь и такъ доѣхала о. Ивана, что онъ сказалъ, махнувъ рукою:

— Дѣлайте, какъ знаете, а я завтра поѣду по стойбищамъ.

Черезъ два мѣсяца послѣ этого разговора въ одинъ изъ сѣренькихъ осеннихъ дней о. Иванъ, наканунѣ возвратившійся изъ своей тяжелой и длинной поѣздки по приходу, пошелъ къ Чалыхъ смотрѣть несуществующую школу и провѣрить познанія импровизированныхъ учениковъ. Писарь къ приходу его собралъ въ своемъ домѣ двѣнадцать человѣкъ ребятишекъ, разсадилъ ихъ на скамьи, а самъ торжественно

усѣлся къ окну за бѣлый некрашеный столъ, на которомъ красовалась чуть не ведерная чернильница и груда сѣрой бумаги, а направо въ углу стояла дверь отъ стараго амбара, собственноручно вымазанная писаремъ сажею, которая на случай осмотра школы должна была служить доскою.

При входѣ о. Ивана ребятишки встали, а самъ Чалыхъ, принявъ самую серьезную позу, предложилъ ему провѣрить знанія учениковъ по Закону Божію. Оказалось, что ребята всѣ молитвы знали наизусть. Послѣ этого они были отпущены по домамъ, а кумовья занялись выпивкой.

— Ну, и башка же у тебя, кумъ! — началъ о. Иванъ. Вѣдь надо же было такую механику придумать; это во первыхъ, а во вторыхъ, въ какихъ нибудь два мѣсяца собрать и выучить ребятишекъ читать молитвы наизусть. Да вѣдь ты и не то что владыку, ѣдущаго къ намъ въ первый разъ, а меня самого могъ въ заблужденіе ввести, не знай я этого раньше.

— Для друга всѣ старанія приложилъ,-отвѣтилъ Чалыхъ.

Выпивъ за дружбу и обсудивъ все подробно, какъ встрѣчать и чѣмъ угощать дорогого гостя, о. Иванъ отправился въ церковь, чтобы слѣдить за уборкой и приведеніемъ ея въ праздничный видъ, такъ какъ владыку ждали назавтра утромъ, а Чалыхъ побѣжалъ выгонять лошадей навстрѣчу ѣдущимъ.

Назавтра въ восемь часовъ утра прискакалъ нарочный съ извѣстіемъ, что владыка черезъ часъ будетъ.

Ребятишки сейчасъ же собраны были въ церкви, а Чалыхъ холилъ между рядами учениковъ несуществующей школы, объясняя имъ, что стѣсняться не слѣдуетъ, а нужно отвѣчать, какъ можно смѣлѣе.

Вдругъ раздается звонъ и трапезникъ, стоявшій на карауле, стремительно влетаетъ въ церковь, крича во все горло:

— Ѣдетъ! ѣдетъ!

— О. Иванъ облачается въ ризу и идетъ въ притворъ; звенятъ колокольцы и къ церкви лихо подкатываетъ похожій на Ноевъ ковчегъ возокъ, запряженный пятеркою взмыленныхъ лошадей, изъ котораго съ шумомъ и визгомъ вылѣзаютъ пѣвчіе; велѣдъ за ними на второй пятеркѣ владычный секретарь съ протодіакономъ и иподіакономъ. Секретарь, поздоровавшись съ о. Иваномъ, проходитъ въ алтарь затѣмъ, чтобы, пока владыка служитъ молебенъ, обревизовать церковное письмоводство, для чего приходо-

расходныя и метрическія книги, а также исповѣдныя росписи и клировыя вѣдомости, заранѣе сто разъ провѣренныя, лежатъ на особомъ столикѣ. Во всѣхъ книгахъ между листами имѣются талисманы краснаго, синяго и иныхъ цвѣтовъ, при видѣ которыхъ ревизующій теряетъ способность замѣчать ошибки и неправильности веденія книгъ. Протодіаконъ и иподіаконъ облачаются въ церковныя одежды и выходятъ для встрѣчи подъѣхавшаго владыки.

Сейчасъ-же начинается молебенъ. Нѣвчіе отъ излишняго употребленія разныхъ питій орутъ сиплыми голосами. По окончаніи молебна протодіаконъ и пѣвчіе спѣшатъ къ церковному старостѣ для капитальнаго ремонта своихъ голосовъ и пополненія благоутробій разными яствами и пріятіемъ нѣкой мзды отъ щедротъ старосты, а владыка, благословивъ народъ, ведетъ со священникомъ бесѣду о дѣлахъ и, между прочимъ, спрашиваетъ про школу.

— Недавно открылъ,—отвѣчаетъ о. Иванъ, для храбрости хватившій красоулю,—не угодно ли вамъ посмотрѣть ее и спросить учениковъ.

— Отлично, отлично; я школу люблю, потому что она служитъ фундаментомъ для нравственныхъ устоевъ человѣка; а это, должно быть, ученики?—владыка показываетъ въ сторону ребятишекъ.

— Да,—отвѣчаетъ о. Иванъ, трясясь при этомъ какъ въ лихорадкѣ.

— Ну, такъ я вотъ ихъ здѣсь и спрошу. А скажи-ка мнѣ,—обращается онъ къ одному отъ малыхъ сихъ,-знаешь ты молитвы?

— Знаю,-отвѣчаетъ храбро Ванька, шустрый, первый драчунъ и задира деревни.

— Какія же молитвы ты знаешь?—снова спрашиваетъ владыка.

— Отчу, Богородицу, Вѣрую,- отвѣчаетъ Ванька.

— А ну, прочти Вѣрую.

Парень начинаетъ читать, сыпя словами, какъ горохомъ, но непонимая ни одного слова изъ того, что онъ читаетъ.

Такимъ образомъ изъ спрошенныхъ пяти человѣкъ всѣ отвѣтили такъ же, какъ и Ванька шустрый.

На вопросъ владыки о томъ, какъ называются иконы, находящіяся въ храмѣ, получаются вѣрные отвѣты, напримѣръ: Спасителя не назвалъ Богородицею, а Богородица Николаемъ Чудотворцемъ. Отчего на лицѣ владыки появ-

лается счастливая улыбка и онъ говоритъ, обращаясь къ о. Ивану:

— Спасибо тебѣ, первую школу вижу, въ которой ученики и молитвы твердо знаютъ и названія иконъ не путаютъ— и, давъ золотой на покупку конфектъ для ребятишекъ, съ довольнымъ видомъ идетъ въ квартиру о. Ивана провѣрять кулинарное искусство матушки, гдѣ во время обѣда о. Иванъ не забываетъ просить владыку о переводѣ поближе къ городу, мотивируя свою просьбу болѣзнью жены. Владыка по добротѣ душевной, а отчасти и подъ вліяніемъ вкуснаго обѣда тутъ же переводитъ его въ богатое подгородное село, расчитывая на мѣсто о. Ивана назначить молодого священника изъ имѣющихъ окончить курсъ семинаріи.

Переночевавъ въ Мухинѣ, владыка назавтра въ семь часовъ утра уѣхалъ во свояси.

Черезъ двѣ недѣли послѣ описаннаго и о. Иванъ, закончивъ всѣ дѣла и простившись съ кумомъ, отправился къ новому мѣсту своего служенія.

III.

Спустя болѣе года, на одномъ изъ званыхъ обѣдовъ владыка, случайно разговорившись съ инспекторомъ народныхъ школъ Вертихвостовымъ, узналъ, что тотъ ѣдетъ по округу и что ему придется заѣхать въ Мухино, такъ какъ жена вновь назначеннаго священника приходится ему племянницей. Тогда владыка попросилъ его посмотрѣть мухинскую школу. Вертихвостовъ обѣщалъ доложить ему подробно о ней.

Когда же чрезъ мѣсяцъ Вертихвостовъ верхомъ по таежной тропинкѣ добрался до села Мухина, то послѣ взаимныхъ лобзаній со священникомъ и племянницей первымъ долгомъ спросилъ:

— Ну, какъ идетъ школа?

— Пока никакъ, отвѣчаетъ священникъ.

— То есть, какъ это никакъ?

— Да такъ, что ея нѣтъ.

— А куда-жъ она дѣлась?—удивился Вертихвостовъ.

— Да ея никогда то и не было. Я вотъ думалъ было построить, да средствъ нѣтъ.

— Какъ не было? Да мнѣ самъ владыка говорилъ, что есть, и просилъ посмотрѣть ее,—горячился Вертихвостовъ.

— А я вамъ еще разъ скажу, что нѣтъ и не было.

— А какъ же владыка то?

— Очевидно, тутъ какое-то недоразумѣніе.

Черезъ три дня Вертихвостовъ, возвращаясь обратно въ городъ, всю дорогу ворчалъ: „не понимаю, ничего не понимаю, была и нѣтъ“, такъ что ямщикъ на одномъ перевозѣ, сообразивъ, что у барина жена убѣжала, посовѣтовалъ ему не безпокоиться, такъ какъ всѣ бабы дуры и думать о нихъ не слѣдъ.

По пріѣздѣ домой Вертихвостовъ, простудившійся за дорогу, вынужденъ былъ полмѣсяца сидѣть въ комнатѣ, но такъ какъ онъ обѣщался сообщить владыкѣ о состояніи Мухинской школы немедленно по возвращеніи, то и написалъ ему письмо, въ которомъ сообщилъ, что въ Мухинѣ школы не было и нѣтъ, почему онъ и не имѣлъ возможности обревизовать ее.

Черезъ недѣлю письмо его возвращается обратно, при чемъ на полѣ письма рукою владычнею написано: „самъ былъ; видѣлъ и нашелъ въ прекрасномъ состояніи“.

Н. Ясачный.

Нохтуйскъ — Мача.

Какъ часто приходилось мнѣ въ отрочествѣ слышать эти два названія и никогда я не предполагалъ, что оба эти поселенія находятся такъ близко другъ отъ друга; еще менѣе я думалъ бывать въ нихъ, а тѣмъ болѣе служить, что, къ сожалѣнію, однако случилось.

Оба эти поселенія расположены другъ противъ друга по берегу рѣки Лены; изъ нихъ Нохтуйскъ по лѣвую, а Мача по правую сторону теченія. На лѣвой сторонѣ расположена и рѣчка Мача, отъ имени которой и дано названіе поселенію по правому берегу рѣки Лены.

Несмотря на давнишнее существованіе, оба эти поселенія — Мача теперь, Нохтуйскъ всегда — влачатъ жалкое существованіе.

Нохтуйскъ расположенъ въ Олекминскомъ округѣ Якутской области верстахъ 70-90 отъ границы съ Иркутской губерніей, къ территоріи которой принадлежитъ Мача. Нохтуйскъ, или, вѣрнѣе сказать, Нохтуйская почтовая станція состоитъ изъ 20-30 жалкихъ домишекъ, разбросанныхъ въ полугорѣ, а Мача, расположенная на небольшой равнинѣ, заключаетъ въ себѣ гораздо болѣе строеній, какъ бывшая когда то резиденціей гремѣвшихъ прежде крупныхъ золотопромышленныхъ компаній по системѣ рѣки Олекмы и складочнымъ пунктомъ для товаровъ, хлѣба и мяса, доставлявшихся сплавомъ по рѣкѣ Ленѣ на пріиски.

И теперь еще доставляютъ, но уже времена не тѣ...

Такъ скоропреходяща слава пріискательская!

Во время оно, т. е. въ періодъ особеннаго развитія беззастѣнчивой пріисковой наживы, ввоза спирта, Мача, а за ней и Нохтуйскъ, гремѣли.

Гремѣли, разумѣется, расшутно, уголовно, винопольно.

Безъ сомнѣнія, отъ всея души, отъ всего помышленія Мача воздвигла храмъ, по убожеству которому вы не найдете равнаго даже въ захолустныхъ селахъ Иркутской губерніи, лежащихъ въ сторонѣ отъ тракта. За все время существованія Мачѣ и Нохтуйску не удалось еще выстроить собственныхъ зданій подъ начальныя училища, которыхъ,

кстати сказать, даже и въ насмномъ домѣ вовсе не имѣется на Мачѣ.

Не говоримъ даже про лечебныя заведенія. Вѣроятно, если бы оба эти населенія пропили только на одну десятую часть меньше того, что они употребили на пріобрѣтеніе столь милыхъ ихъ сердцу издѣлій изъ вина и спирта (вѣдь, и теперь еще бываютъ дни, когда нохтуйская винополія торгуетъ на пять тысячъ рублей, а двѣ—три тысячи рублей—обычная дневная выручка!) и на оплату разныхъ «ложекъ», то, безъ сомнѣнія, у нихъ былъ бы свой перевозъ, свои училища, лечебныя заведенія, богадѣльни. Но довлѣетъ дневи злоба его: хватило бы на нашъ вѣкъ, а тамъ хоть трава не расти! А вѣрнѣе: день да ночь—сутки прочь!

Теперь считаю нужнымъ подѣлиться дорожными впечатлѣніями.

Проѣхавъ дорогу отъ Якутска до Нохтуйска на «почтовыхъ», отмѣчу здѣсь прелести этого способа передвиженія.

Рѣдко можно встрѣтить въ Россійской Имперіи мѣсто, гдѣ бы такъ худо поставлена была эта весьма доходная для правительства статья.

Въ Якутской области, по Приленскому тракту, почтовая гоньба составляетъ пребенду для мѣстнаго, на словахъ только, крестьянскаго населенія.

Посмотрите только на то, что пашетъ и коситъ этотъ мнимый крестьянинъ; но зато какъ много онъ пропиваетъ и проиграваетъ въ карты!

На Наманинской, напримѣръ, станціи жены однажды собирались было бросить своихъ пьяницъ мужей; въ Чекурской волости при составѣ населенія до девятисотъ человѣкъ пропивается въ годъ отъ семи до одиннадцати тысячъ рублей.

Вмѣсто того, чтобы удобрить скапливающимся навозомъ поля, приленскіе «крестьяне» предпочитаютъ валить его въ рѣку Лену, которая и безъ того всячески запакащивается всѣми, кому только не лѣнь.

«Крестьянинъ» этотъ никогда не дѣлаетъ загородокъ для своего скота, который мерзнетъ и вымерзаетъ подъ открытымъ небомъ, тутъ же и разрѣшаясь отъ бремени.

Почтовое вѣдомство совершенно не интересуется постановкой гоньбы у этихъ мнимыхъ крестьянъ, которые пекутся лишь о томъ, чтобы заполучить фуражную плату, а затѣмъ и пропить или проиграть, или то и другое вмѣстѣ, а что будетъ потомъ, это ихъ совершенно не интересуетъ: они очень хоро-

но знаютъ, что, благодаря благопекущемуся почтовому вѣдомству, здѣсь нѣтъ другихъ конкурентовъ; слѣдовательно, гоньба такъ или иначе обезпечена за ними.

Дѣло дошло до того, что это вѣдомство игнорируетъ даже жалобы такихъ должностныхъ лицъ, какъ бывшій прокуроръ Якутскаго окружного суда Гончаровъ, жалоба котораго на одной изъ станцій невдалекѣ отъ города Олекминска на медленность ѣзды была оставлена безъ послѣдствій подъ предлогомъ якобы эпидеміи на лошадей.

Между тѣмъ, какъ вся эта эпидемія ссстояла лишь изъ того, что полученная фуражная плата была пристроена въ винополію или проиграна въ карты, а семьямъ и животнымъ было предоставлено существовать, какъ они знаютъ.

Вѣдь нигдѣ не допустятъ подрядчика до гоньбы, пока не освидѣтельствуютъ запасы и принадлежности этой подрядной гоньбы; въ Якутской же области этимъ вопросомъ даже и не задаются, памятуя лишь о неуклонномъ поступленіи въ карманы неокладныхъ сборовъ и предоставляя публикѣ за свои кровныя денежки (9 копѣекъ на версту и пару клячъ!) разсчитываться своими боками за пользованіе невозможными россинантами и такими же экипажами.

Затѣмъ, если такъ относятся къ жалобамъ прокуроровъ, то на что же можетъ разсчитывать въ подобныхъ случаяхъ простой обыватель?

Комнаты, именуемыя почтовыми, по неудобствамъ представляютъ нѣчто совершенно невообразимое.

Въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ въ вашемъ относительномъ распоряженіи одна небольшая комнатушка сомнительной чистоты; тутъ же ютится столъ съ принадлежностями писаря; остальныя комнаты заняты семейными хозяевами. Стѣны этой жалкой комнатушки увѣшены всевозможными объявленіями этихъ невозможныхъ Солногоровыхъ и Нижегородовыхъ.

Въ объявленіяхъ этихъ предусмотрѣно, кажется, чтобы и вздохъ проѣзжающаго не вырвался безъ разрѣшенія начальства.

Кромѣ того, въ эти жалкія помѣщенія набивается куча ямщиковъ, которые начинаютъ галдѣть на этомъ языкѣ дикарей (свой родной они уже давно почти совсѣмъ утратили!), курить, плевать, сморкаться, харкать прямо на полъ!

Въ добавокъ, если вы имѣли несчастіе заночевать, васъ безпокоятъ насѣкомыя, спертый, смрадный воздухъ, визгъ и ревъ хозяйскихъ дѣтей!

Вотъ вамъ и помѣщеніе, предназначенное, какъ гласятъ объявленія начальства, для отдохновенія проѣзжающихъ!

Помимо неудобствъ для проѣзжающихъ почтовая гоньба далеко неудовлетворительно обслуживаетъ и нужды корреспондентовъ которымъ зачастую приходится получать посылки не только не во время, но даже просто изгаженными, напримѣръ, подмоченными: ямщики «стѣсняются» объѣзжать положительныя мѣста по пути, а начальники еще болѣе по весьма понятнымъ причинамъ «стѣсняются» штрафовать ихъ за это.

При цѣлости же внѣшней оболочки посылки за все это отдувается «корреспондентъ».

Мало того, однажды областное начальство придумало отмѣнить обывательскую гоньбу, существовавшую исключительно для надобностей мѣстнаго населенія, переложить ее, ничтоже, по своему обыкновенію, сумняшеся, на общій государственый бюджетъ.

Благодаря этому, получилось вотъ что: вездѣ чины мѣстной администраціи ѣздятъ на обывательскихъ лошадяхъ, содержимыхъ на счетъ мѣстныхъ земскихъ сборовъ, въ якутской же области они производятъ разъѣзды на счетъ суммъ государственнаго казначейства и такимъ образомъ мѣстныя нужды оплачиваются за счетъ государства, а мнимые «крестьяне» получили въ этомъ переложеніи еще одну «пребенду» для оплаты ихъ винопольныхъ и картежныхъ нуждъ и потребностей.

А гдѣ то тамъ плутъ разговоры о сокращеніи бюджета, а въ частности прогоннаго кредита!

Мы уже не упоминаемъ о томъ, что всякое «переложеніе» не зависитъ отъ произвола администраціи. Покончивъ съ почтовыми порядками, коснусь теперь Нохтуйска.

Я уже былъ вторымъ врачемъ, назначеннымъ на этотъ участокъ въ промежутокъ времени менѣе года.

6 марта 1912 года я прибылъ на этотъ участокъ, а фельдшеръ, зная о моемъ скоромъ прибытіи, взялъ да за нѣсколько часовъ до моего пріѣзда уѣхалъ куда то будто по экстренному дѣлу, вызову.

Встрѣтивъ меня на дорогѣ и узнавъ на станціи, что это пріѣхалъ участковый врачъ, онъ не изволилъ вернуться, а пріѣхалъ лишь черезъ нѣсколько дней.

На участкѣ другого фельдшера не было и я, значитъ, терялъ время въ ожиданіи, когда онъ изволитъ возвратиться.

А такъ какъ деньги на содержаніе амбулаторіи, субсидируемой двумя сельскими обществами, сид. по ненѣсколько

причинѣ, получалъ самостоятельно, въ амбулаторіи не было даже прислуги и, по возвращеніи его изъ поѣздки къ мнимо больному, я долженъ былъ выглядывать изъ его рукъ каждый стаканъ воды, чтобы обмыть руки.

Затѣмъ, когда я, по возвращеніи его съ мнимой дѣловой поѣздки, ознакомился съ состояніемъ аптеки, амбулаторіи и вообще съ положеніемъ послѣдней, то я изумился тому преступному хаосу, который царилъ въ ней, гдѣ рядомъ со слабодѣйствующими веществами находились сильнѣйшіе яды вродѣ сулемы, кротонового масла, опія, морфія и проч.

Мало того, вездѣ валялась масса порошковъ, на оберткѣ которыхъ не было никакихъ надписей объ ихъ содержимомъ.

На мой вопросъ, кто же этимъ занимался, я получилъ отвѣтъ, что всѣ эти порошки дѣло рукъ бывшей фельдшерицы, которая, разсыпая порошки, никогда не писала на оберткѣ ихъ надписей.

Я уже не говорю о массѣ разныхъ испорченныхъ лекарствъ, которыя, если бы не были изгажены, очень бы пригодились намъ при нашей сельсковрачебной скудности.

Но они были такъ сильно изгажены, что просто опасно было ими пользоваться. Фельдшеръ, по своему обыкновенію, все валилъ на своихъ предмѣстниковъ, а особенно на отравившагося фельдшера.

И трудно было вѣрить, глядя на неряшливость, разгильдяйство, безпамятность настоящаго фельдшера, что этотъ хаосъ принадлежалъ его предмѣстнику, посѣтивъ котораго однажды, я никакого безпорядка, а тѣмъ болѣе хаоса, подобнаго настоящему, въ группировкѣ лекарствъ и во внѣшней обстановкѣ не нашелъ.

Я приводилъ въ возможный порядокъ аптеку, а фельдшеръ стоялъ и смотрѣлъ, какъ будто это такъ и слѣдовало.

Насколько по домашнему вообще фельдшеръ этотъ относился къ своимъ служебнымъ обязанностямъ, видно было изъ того одного, что, не принадлежа къ числу распорядительныхъ должностныхъ лицъ, будучи представителемъ лишь низшаго медицинскаго персонала, собственною властью вскрывалъ денежныя кружки, расходовалъ общественныя суммы въ то время, когда самостоятельный фельдшерскій пунктъ былъ уже уничтоженъ,—да и тогда онъ не имѣлъ права,—а образованъ былъ вмѣсто него врачебный участокъ.

Суммы эти, ассигнованныя на нужды лечебнаго дѣла, служили главнымъ образомъ, если неисключительно, нуждамъ фельдшерскаго быта.

Составленный фельдшеромъ отчетъ въ расходѣ такихъ суммъ представлялъ изъ себя не дѣйствительный по производству расходовъ отчетъ, а составленный задним числомъ, не упоминая уже о томъ, что его удалось получить даже и въ этомъ то видѣ послѣ цѣлаго ряда настояній.

Слишкомъ поздно спохватилось врачебное отдѣленіе насчетъ своихъ ставленниковъ: въ началѣ 1912 года состоялся циркуляръ врачебнаго отдѣленія въ отмѣну безконтрольнаго распоряженія фельдшерами общественными суммами, да и то больше на бумагѣ.

Въ амбулаторіи во время пріема больныхъ катались даже и при мнѣ на велосипедѣ дѣти фельдшера и мнѣ стоило большихъ усилій выдворить ихъ оттуда.

На шкафахъ аптеки, на окнахъ, покрытыхъ грязью и пылью, валялись дѣтскія игрушки.

Крикъ, шумъ, гамъ, сцены разбирательства недисциплинированныхъ дѣтей слышались въ амбулаторіи зачастую и при мнѣ, а раньше они составляли правило. На окнахъ аптеки стояли ящики съ россадой и оставалось еще только посадить въ аптеку куръ парить цыплятъ и я глубоко увѣренъ, что это обязательно случилось бы, если бы пришла пора къ этому, а то стояло еще только начало марта, когда я прибылъ сюда.

И многое здѣсь въ аптекѣ и амбулаторіи напоминало мнѣ сцены изъ безсмертной комедіи Гоголя.

Всѣ инструменты, единственная кружка Эсмарха, съ которыми приходилъ въ соприкосновеніе этотъ фельдшеръ, были приведены въ крайне загрязненное состояніе, и чтобы они вовсе не утратили своего назначенія, я отобралъ ихъ отъ него, вымылъ, перечистилъ ихъ самъ и перенесъ къ себѣ на квартиру.

Фельдшеръ, не интересуясь служебными обязанностями, страдалъ безпамятствомъ; онъ рѣшительно не помнилъ ничего, что дѣлалъ только что сейчасъ.

Лекарства готовилъ съ точки зрѣнія, сколько схватишь, и что есть изъ ингредіентовъ подъ рукой, а если это на другомъ столѣ, то уже не положитъ, и въ общемъ представлялъ изъ себя, въ лучшемъ случаѣ, многосемейнаго инвалида; больше всего онъ смекалъ въ рублѣ—цѣлковомъ, да въ доносахъ подъ чужими именами, какъ увидитъ потомъ читатель. Подъ вліяніемъ этого рубля—цѣлковаго фельдшеръ исчезалъ изъ амбулаторіи даже и предъ моимъ визитаціоннымъ приходомъ и это не составляло чего либо особеннаго, если принять во

вниманіе „бумажку“ врачебнаго отдѣленія, отъ 7 февраля 1912 г. за № 01965, гдѣ говорится, что ставленники сего отдѣленія отлучались по своимъ личнымъ дѣламъ безъ разрѣшенія своихъ врачей и находились въ отлучкѣ продолжительное время.

Таковъ былъ ближайшій помощникъ, о которомъ будетъ сказано еще ниже.

9 марта за № 3 я доложилъ областному начальству, что въ амбулаторіи я нашелъ въ крайне ограниченномъ количествѣ и плохомъ состояніи обстановку, болѣе, чѣмъ въ половинѣ принадлежавшую не казнѣ, а домовладѣлицѣ, къ моему пріѣзду имѣлось всего 4 халата, да разная завалъ испортившихся, никуда негодныхъ медикаментовъ.

10 марта за № 8 я писалъ тому же начальству, что ни въ Якутскомъ, ни въ Олекминскомъ казначействѣ не удалось получить жалованья за февраль по отсутствію въ нихъ кредита по земской смѣтѣ.

Лишь бумагой отъ 30 марта врачебное отдѣленіе увѣдомило меня, что кредитъ на жалованье участку возстановленъ по Олекминскому казначейству.

16 марта, запасшись тѣми лекарствами, которыя имѣлись, я двинулся съ объѣздомъ вверхъ по участку до Тиниой, а съ 19 марта внизъ отъ Нохтуйска до Бирюка, что я дѣлалъ отъ поры до времени и ранѣе, но не въ силу отношенія врачебнаго отдѣленія, отъ 23 февраля 1912 г., а на основаніи инструкціи по сельсковрачебной части.

21 марта я возвратился въ Нохтуйскъ, разсчитывая, что на почтѣ лежатъ уже посылки съ лекарствами, инструментами, перевязочнымъ матеріаломъ изъ Якутской аптеки, давно уже отобранными мною, когда я былъ въ городѣ, но ошибся.

Нужно сказать, что и. д. врачебнаго инспектора было прекрасно извѣстно, что во всемъ Олекминскомъ врачебномъ округѣ не было ни клока ваты, ни вершка марли, въ чемъ онъ имѣнно убѣдился, проѣзжая этотъ округъ въ началѣ января 1912 года изъ отпуска въ Якутскъ.

Посылокъ этихъ не оказалось и въ послѣдующей почтѣ, которая при обычныхъ условіяхъ циркулируетъ два раза въ недѣлю.

Такимъ образомъ положеніе становилось уже крайне затруднительнымъ: присланъ былъ выписанный значительно позже изъ Петербурга стерилизаторъ, но совершенно не имѣлось того, что подлежало стерилизаціи, т. е. перевязоч-

наго матеріала, инструментовъ; имѣлись части аппарата для гонки воды, которыя можно было бы установить, но не было денегъ на это, какъ и вообще на оборудованіе, содержаніе амбулаторіи, наемъ служителя; не было необходимыхъ лекарствъ, какъ, напримѣръ, соды, кастороваго масла; не была назначена акушерка, хотя передъ отъѣздомъ изъ Якутска въ отвѣтъ на свои опасенія (я зналъ, съ кѣмъ имѣю дѣло!) я получилъ во врачебномъ отдѣленіи категорическій отвѣтъ, что акушерка будетъ назначена на участокъ съ такимъ разсчетомъ во времени, что прибудетъ еще зимнимъ путемъ. Разумѣется, все это оказалось пуфомъ, о чемъ было сообщено для скорѣйшаго распоряженія областному начальству 19 апрѣля за № 64.

Въ результатѣ приходилось испытывать всевозможныя затрудненія и при томъ совершенно безцѣльно, отказывать больнымъ въ подачѣ самой элементарной помощи за отсутствіемъ самаго существеннаго и за недостаткомъ самой простѣйшей житейской обстановки въ родѣ, напримѣръ, цѣлаго рукомойника, ведра, полотенца.

Я вновь представилъ объ этомъ областному начальству 25 марта за № 32.

Несмотря на это, 28 апрѣля въ участковой аптекѣ не было посуды, пробокъ, пипетокъ, кензурокъ, клизономпъ, резиновыхъ баллончиковъ, разновѣса, роговыхъ вѣсковъ, тарирныхъ вѣсовъ, кружекъ Эсмарха, двухсторонней клеенки, соды, касторовато масла, коллодіума, хлороформа, эонра, бѣлаго вазелина, ланолина, зеленаго мыла, инструментовъ.

О послѣднихъ врачебное отдѣленіе увѣдомило меня въ концѣ апрѣля, что они выписаны изъ Петербурга и пріѣдутъ съ первыми пароходами, но я оставилъ службу на участкѣ въ концѣ августа, а инструменты все еще шли.

Точно также я не получилъ инвентарной и денежной книги, несмотря на просьбу отъ 26 апрѣля за № 70.

Положеніе еще болѣе ухудшалось, вслѣдствіе присутствія такого помощника, какъ участковый фельдшеръ.

Халатность его доходила до того, что онъ залилъ однажды водой только что полученныя лекарства и всѣ они не погибли лишь потому, что я во время замѣтилъ въ ящикѣ эту воду, а фельдшеръ дѣланно при этомъ изумлялся, какъ это могъ сдѣлать.

Несмотря однако на свою служебную безпамятность, халатность, подъ свое помѣщеніе фельдшеръ занялъ три ком-

наты, четвертую кухню, а амбулаторія ютилась въ одной комнатѣ, перегороженной на двое.

Видя хаотическое состояніе всей амбулаторіи, я предупредилъ этого фельдшера, приводя аптеку въ возможный видъ, что, вѣроятно, я какъ только приведу аптеку въ сносный порядокъ и буду имѣть возможность пріобрѣсти замокъ (такъ я былъ богатъ авансами на содержаніе амбулаторіи!), то сильнодѣйствующія вещества я буду держать подъ замкомъ.

Онъ началъ просить меня, чтобы второй ключъ я оставилъ ему, причемъ удостовѣрялъ, что верхоглядство свое [illegible].

Я имѣлъ слабость уступить его просьбѣ и въ результатѣ, приди какъ то разъ въ амбулаторію въ неурочный часъ, я засталъ шкафъ съ сильнодѣйствующими веществами настежь раствореннымъ, столъ запачканнымъ разсыпанными порошками.

Тогда я замкнулъ шкафъ на одинъ ключъ. Небрежно и грязно обращался этотъ фельдшеръ со всѣмъ, съ чѣмъ приходилъ въ соприкосновеніе, особенно съ перевязочнымъ матеріаломъ, которымъ я раздобылся не много по частной практикѣ. И до тѣхъ поръ, пока не пріѣхала фельдшерица, а это случилось только въ концѣ мая, я почти ничего не могъ сдать изъ того, немного пріобрѣтеннаго тоже только въ половинѣ мая, такъ какъ до ея пріѣзда у меня не было лица, которому можно было бы что нибудь сдать съ надеждой не увидѣть это въ скоромъ времени изгаженнымъ или использованнымъ для хозяйственныхъ цѣлей, напримѣръ, только что полученный стерилизаторъ для варки каши семьѣ фельдшера. Во второй половинѣ апрѣля мѣсяца было написано письмо старшему врачу Якутской гражданской больницы съ просьбой сообщить и. д. врачебнаго инспектора, что представляетъ изъ себя участковый фельдшеръ и замѣнить его другимъ. Въ началѣ я не хотѣлъ поднимать дѣло оффиціальнымъ порядкомъ; поэтому прибѣгъ къ неоффиціальному воздѣйствію, да и, кромѣ того, хотѣлось имѣть лишняго свидѣтеля, зная, что я имѣю дѣло съ и. д. врачебнаго инспектора.

Разумѣется, докторъ В. А. Плесскій исполнилъ мою просьбу, но она не имѣла успѣха у и. д. врачебнаго инспектора, который отвѣтилъ В. А. Плесскому, что врачъ собирается уѣзжать, нельзя же оставить участокъ безъ фельдшера.

Однако оффиціально мнѣ ничего не было отвѣчено, несмотря даже на телеграмму въ маѣ и. д. врачебнаго инспектора.

Тогда 4 іюня за № 114 я повторилъ врачебному отдѣленію письмо свое доктору Плесскому по поводу этого многосемейнаго инвалида.

При этомъ я добавилъ, что для меня остается совершенной загадкой, почему врачебное отдѣленіе не желаетъ избавить участокъ отъ подобнаго фельдшера, тѣмъ болѣе, что недавно состоялся выпускъ фельдшеровъ и я просилъ назначить ко мнѣ другого фельдшера, который уже служилъ у меня.

Я сослался при этомъ на прошедшее уже въ законодательномъ порядкѣ распоряженіе по ветеринарному вѣдомству (по Уральскому казачьему войску), чтобы фельдшера опредѣлялись на должности лишь съ согласія ветеринарныхъ врачей.

Разумѣется, я отвѣта не получалъ, почему 14 іюня за № 124 я вновь сообщалъ, что во время объѣзда участка вверхъ до Тиной мнѣ удалось узнать, что фельдшеръ позволяетъ себѣ распространять про меня, что я не даю ему тѣхъ лекарствъ, въ которыхъ, по его мнѣнію, нуждаются больные.

И ранѣе я замѣчалъ, а теперь и особенно стало мнѣ бросаться въ глаза, что во время объѣздовъ фельдшеръ занимался мѣной лекарствъ на сельскіе продукты и дошелъ на этомъ поприщѣ нынѣ до такой безцеремонности, что сталъ заниматься этимъ даже и въ моемъ присутствіи, такъ что на одной изъ станцій я уже вынужденъ былъ вызвать его изъ другой комнаты, гдѣ онъ занимался келейной раздачей, между прочимъ, настойки іода и предложить ему направлять больныхъ ко мнѣ для записи хотя бы въ смыслѣ розданнаго.

При такихъ обстоятельствахъ я просилъ бумагой и телеграммой и. д. врачебнаго инспектора убрать отъ меня этого фельдшера, въ противномъ случаѣ, я писалъ, передамъ дѣло въ печать.

И только послѣ этого состоялось перемѣщеніе фельдшера.

Затѣмъ врачебное отдѣленіе сообщило мнѣ, что до настоящаго времени отъ меня ходатайства о переводѣ фельдшера не поступало.

Что же касается письма моего къ доктору Плесскому, то оно не относится къ дѣлу, такъ какъ переводъ должност-

ныхъ лицъ можетъ быть сдѣлано лишь при наличности оффиціальныхъ уважительныхъ данныхъ, а не основываться на частныхъ письмахъ лицамъ, совершенно посторонимъ.

Да и о письмѣ оффиціально врачебное отдѣленіе узнало, какъ оно писало далѣе, лишь по полученіи отъ меня неопредѣленной и малопонятной по содержанію телеграммы.

Въ заключеніе отдѣленіе высказало, что тонъ упрека совершенно неумѣстенъ. Далѣе, 21 іюня за № 10641 отдѣленіе сообщило, что другого, кромѣ пунктоваго, фельдшера назначить было нельзя, такъ какъ фельдшеровъ, желающихъ служить на моемъ участкѣ, не находится.

Просимый мною фельдшеръ въ командировкѣ и по этой причинѣ въ данное время тоже не можетъ быть назначенъ. Такимъ образомъ я вынужденъ былъ отвѣтить на эту бумагу врачебнаго отдѣленія по существу.

Я писалъ, что я не упрекалъ отдѣленіе, а иллюстрировалъ лишь факты и то, какъ къ нимъ относится врачебное отдѣленіе. Я писалъ не доктору Плесскому, а старшему врачу Якутской больницы, упорядочившему ее; этими словами начиналось мое письмо.

Писалъ не въ качествѣ частнаго лица, а должностного, которому было уже не въ моготу служить съ подобнымъ фельдшеромъ; избралъ эту форму сношенія потому, что не хотѣлъ поднимать дѣло совершенно оффиціально, полагая, что начальство догадается и не будетъ ждать повторенія.

Не получая въ скорости отвѣта, но зная, что содержаніе письма сообщено и. д. врачебнаго инспектора, я попробовалъ еще разъ напомнить о своей просьбѣ, пославъ и. д. инспектора телеграмму, гдѣ высказалъ, что ожидаю отвѣта на письмо къ доктору В. А. Плесскому.

Получивъ эту телеграмму, какъ онъ говоритъ неясную и малопонятную, и. д. Врачебнаго инспектора могъ бы запросить меня по поводу этой неясности и неопредѣленности: но ничего этого сдѣлано не было; значитъ, не въ этомъ была сила.

Мало того; еще 25 мая за № 98 я аттестовалъ фельдшера, какъ расходчика общественныхъ суммъ; заканчивая эту бумагу, я высказалъ, что въ дѣлѣ составленія отчетовъ фельдшеръ, какъ и во всемъ, проявилъ такія познанія, что въ качествѣ документовъ пересчиталъ даже бѣлые листы бумаги. Что же можно довѣрить такому фельдшеру? А между тѣмъ, по инструкціи вся переписка лежитъ на немъ.

Тутъ ужъ неопредѣленнаго ничего не было; однако, опять былъ молчокъ, повидимому, почему то интересный для и. д. врачебнаго инспектора, затѣмъ я процитировалъ въ бумагѣ отвѣтъ мнѣ доктора Плесскаго по поводу моего письма къ нему, вкратцѣ приведенный выше.

Невѣрна была также и ссылка на счетъ просимаго фельдшера, о назначеніи котораго на участокъ я возбудилъ ходатайство въ апрѣлѣ, за долго до всякихъ командировокъ.

Лживо было также и удостовѣреніе, что на мой участокъ никто не идетъ служить: въ апрѣлѣ или маѣ самъ и. д. врачебнаго инспектора спрашивалъ меня по телеграфу, которую изъ двухъ кандидатокъ я желаю зачислить къ себѣ на участокъ.

Намятуя изрѣченіе timeo Danaios et dona ferentes, я высказался за ту, которую хотя сколько нибудь зналъ, о чемъ и доложилъ областному начальству, которое проѣздомъ на встрѣчу генералъ-губернатору посѣтило берегъ Охтуйска.

И, наконецъ, насчетъ нежеланія я замѣтилъ, что меня, врача, два товарища по профессіи турнули въ такую дыру, какъ Нюрба, завѣдомо противъ всякаго моего желанія.

Кромѣ того, фельдшеръ скверно велъ свой журналъ, на обзаведеніи которымъ только я настоялъ, чтобы при мѣсячномъ отчетѣ онъ не хваталъ цифръ съ потолка; выдавалъ себя по своимъ познаніямъ равнымъ доктору медицины, хирургіи и акушерства; признавалъ себя спеціалистомъ по сифилидологіи, не встрѣтилъ бы препятствій впрыснуть «606»; вообще, былъ спеціалистъ по всѣмъ отраслямъ, а главнымъ образомъ, конечно, по части рубля — цѣлковаго.

Любопытно отмѣтить здѣсь вотъ какой казусъ.

Въ отвѣтъ на мои жалобы, что я не получаю изъ врачебнаго отдѣленія просимыхъ уже давно мною медикаментовъ, такихъ, напримѣръ, какъ сода, касторовое масло, губернаторъ заявилъ мнѣ при проѣздѣ Охтуйска, что врачебное отдѣленіе показываетъ ему всегда въ отвѣтъ на мои ходатайства исходящій нумеръ, за которымъ якобы отправлено мнѣ уже давно все просимое.

Я сказалъ, что это неправда.

Тогда онъ послалъ и. д. врачебнаго инспектора телеграмму о немедленной высылкѣ просимаго мной и получилъ отвѣтъ, что все просимое уже выслано мнѣ съ слѣдующимъ пароходомъ.

Случайно губернаторъ опять проѣзжалъ Охтуйскъ на томъ же пароходѣ, гдѣ ѣхало, по словамъ и. д. врачебнаго инспектора, и все просимое мною.

Онъ попросилъ меня распечатать все это въ его присутствіи, что я и сдѣлалъ; но оказалось, что я былъ правъ: то, чего нужно было, то, что я просилъ и о чемъ онъ только что подтвердилъ своей телеграммой, того какъ разъ и не оказалось.

Посланъ былъ разносъ по телеграфу.... но милые бранятся, только тѣшатся, я же тѣшиться не желалъ и разобралъ по существу отвѣтное стремленіе и. д. врачебнаго инспектора обѣлиться. 9 іюня 1912 г. за № 118 я сообщалъ областному начальству, что врачебному отдѣленію давно уже и детально при томъ было извѣстно, какъ скверно былъ обезпеченъ весь Олекминскій округъ, а не одинъ только Нохтуйскій его участокъ, медицинскими принадлежностями.

Проѣздомъ еще въ началѣ 1912 года и. д. врачебнаго инспектора было извѣстно, что ни въ первомъ, ни во второмъ (Нохтуйскомъ) врачебномъ участкѣ не было буквально ни клока ваты, ни вершка марли.

По этой причинѣ приходилось рѣже отказывать больнымъ, которыхъ было бы несравненно больше, и въ данное время придерживаться того же, вслѣдствіе недостатка выпаканной кое какъ ваты и марли, которую приходилось держать только на чистые, экстренные случаи.

Отсутствіе хлороформа, отсутствіе вѣсовъ для сильнодѣйствующихъ, отсутствіе вѣсовъ вообще, разновѣса, резинобаллоновъ (былъ одинъ всего на всего, который долженъ былъ служить, по мысли врачебнаго отдѣленія, и для надобностей глаза, уха и задняго прохода), мыла кастороваго масла, соды,—было вполнѣ устранимо пріобрѣтеніемъ всего этого, хотя бы въ минимальныхъ размѣрахъ впредь до полученія транспортовъ изъ Россіи, въ аптекѣ общества врачей.

Не виноватъ же былъ участокъ, что врачебное отдѣленіе, взявшее на себя распорядительную роль, которая пришлась ему далеко не по плечу, не позаботилось о выпискѣ для него лакарствъ во время.

Кромѣ того, въ чемъ была нужда — докладывалось врачебному отдѣленію мною лично, когда еще былъ я въ городѣ Якутскѣ. Такимъ образомъ, оно было ознакомлено болѣе, чѣмъ во время, о нуждахъ участка и не вина была участка въ томъ, что врачебное отдѣленіе разрѣшилось да и то въ канцелярскомъ смыслѣ лишь 18 апрѣля журналомъ объ оборудованіи, и при томъ въ самыхъ жалкихъ размѣрахъ, Нохтуйской амбулаторіи.

Фактически же оказалось возможнымъ привести этотъ журналъ въ исполненіе лишь 12 мая.

Между тѣмъ, врачебному отдѣленію была хорошо извѣстна та сумма, которою два крестьянскихъ общества субсидировали амбулаторію, и какъ она аккуратно выплачивалась.

Если бы участокъ относился къ дѣлу, какъ врачебное отдѣленіе съ точки зрѣнія исходящаго нумера, то Нохтуйская амбулаторія не произвела бы хорошаго впечатлѣнія на посѣтившаго ее генералъ-губернатора и у адъютанта начальника края не вырвалось бы невольнаго восклицанія, что такой чистоты они не встрѣтили даже въ Витимскомъ врачебномъ участкѣ, существующемъ уже десятокъ слишкомъ лѣтъ.

Кстати здѣсь замѣтить, что послѣдній ящикъ съ россадой мы вынесли изъ амбулаторіи всего за нѣсколько часовъ до перваго проѣзда Нохтуйска губернаторомъ.

Такъ, значитъ, фельдшеръ и его семья ни въ чемъ не сомнѣвались и были увѣрены въ своей безнаказанности!

Будучи недоволенъ перемѣщеніемъ, фельдшеръ всячески старался затянуть свой отъѣздъ, не освобождалъ казенной квартиры, занимать которую онъ не имѣлъ никакого права, такъ какъ квартирныя деньги были введены ему въ окладъ жалованья, какъ и прочимъ фельдшерамъ; между тѣмъ, квартира эта нужна была для надобностей амбулаторіи, для нуждъ которой она и была исключительно окортомлена.

Я не разъ и не два просилъ врачебное отдѣленіе понудить этого фельдшера къ очисткѣ квартиры; но отвѣта не дождался и, лишь спустя вдолгѣ, фельдшеръ наконецъ оставилъ эту квартиру.

Какъ потомъ оказалось, фельдшеръ затягивалъ свой отъѣздъ вотъ по какому поводу: онъ въ это время сочинялъ доносъ на меня, но только подъ чужими именами. Доносъ этотъ я опровергъ фактическими данными и 18 августа 1912 года за № 207 просилъ якутскаго губернатора привлечь жалобщиковъ на меня вмѣстѣ съ фельдшеромъ къ законной отвѣтственности за клевету, ложь, оскорбительныя выраженія, а фельдшера, кромѣ того, и за безпорядки по должности.

Тѣмъ временемъ и. д. врачебнаго инспектора, желая досѣть меня, какъ говорится, не мытьемъ, такъ катаньемъ, распорядился во второй половинѣ іюля возложить на меня всѣ судебныя экспертизы по Олекминскому округу.

Распоряженіе это я считалъ незаконнымъ по слѣдующимъ причинамъ: на основаніи перваго параграфа дѣйствующей инструкціи медицинскому персоналу по сельско-врачебной части, утвержденной къ исполненію министерствомъ внутреннихъ дѣлъ 20 ноября 1903 года, обязанности участковаго врача заключаются въ оказаніи медицинской помощи населенію и въ исполненіи обязанностей по судебно-медицинской и медико-полицейскимъ частямъ, но лишь въ предѣлахъ вверенаго ему участка, а не тамъ, гдѣ, какъ въ данномъ случаѣ, заблагоразсудится врачебному инспектору.

Я завѣдывалъ только частью Олекминскаго округа и именно тою, которая простиралась отъ станціи Тинной, пограничной съ Иркутской губерніей, до станціи Дурдусовской, предпослѣдней станціи предъ городомъ Олекминскомъ, а новымъ распоряженіемъ на меня желали возложить обязанности судебно-медицинскія и по первому участку Олекминскаго округа, которымъ я не завѣдывалъ, на пространствѣ отъ Дурдусовской станціи до границы съ Якутскимъ округомъ.

По силѣ 63 параграфа той же инструкціи участковые врачи назначаются, перемѣщаются и увольняются по распоряженію губернатора, а не врачебнаго инспектора, которому по дѣйствующей инструкціи (§ 64) предоставлено такое право только на счетъ низшаго медицинскаго персонала, а именно фельдшеровъ и акушерокъ.

И губернатору, на основаніи указаннаго выше 63 параграфа, предоставлено лишь назначить врачей на участки для завѣдыванія вообще медицинскою частью, а не дробить по своему усмотрѣнію эти обязанности. На основаніи 45 параграфа этой инструкціи, на врачей можетъ быть возлагаемо завѣдываніе лишь вакантными участками, а не частями таковыхъ или отдѣльными обязанностями.

Пока я служилъ по Якутской области, я не встрѣчалъ препятствій завѣдывать, согласно инструкціи, первымъ врачебнымъ участкомъ Олекминскаго округа, если таковой окажется вакантнымъ и завѣдываніе его, по инструкціи, будетъ возложено на меня въ установленномъ порядкѣ.

Въ практикѣ врачебнаго отдѣленія былъ, напримѣръ, случай, когда врачъ Вилюйской колоніи прокаженныхъ былъ избавленъ даже отъ завѣдыванія вообще сосѣднимъ вакантнымъ врачебнымъ участкомъ; а на меня то же отдѣленіе, лишая права полученія вознагражденія за завѣдываніе сосѣднимъ вакантнымъ участкомъ, возлагало самую тяжелую обязанность, судебно-медицинскую, сопряженную съ одними

только тяжелыми разъѣздами, да непріятными явленіями констатированія разныхъ судебно-медицинскихъ казусовъ, вообще едва сносимыхъ даже и тогда, когда на обязанности лежать не они одни.

Я не былъ окружнымъ врачемъ, какіе были здѣсь ранѣе до введенія сельско-врачебной части и несли исключительно судебно-медицинскія обязанности, и потому на меня нельзя возлагать ихъ исключительно, тѣмъ болѣе, что и по инструкціи то онѣ стоятъ на самомъ послѣднемъ мѣстѣ.

На основаніи изложеннаго, я обратился 18 іюля съ жалобой на дѣйствія и. д. врачебнаго инспектора къ Иркутскому генералъ губернатору.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ, въ какомъ положеніи находилась медицина въ области до реформы ея.

До 1897 года въ области сельской медицины не существовало.

Было лишь по числу округовъ пять окружныхъ врачей, которые подавали помощь населенію лишь при своихъ разъѣздахъ по исполненію судебно-медицинскихъ обязанностей и выѣзжали иногда во время появленія эпидемій.

Для леченія больныхъ имъ отпускалось по 50 рублей въ годъ на пріобрѣтеніе лекарствъ.

Сельскихъ лечебницъ никакихъ не было, а лишь было 4 сифилитическихъ лечебницы въ 4 окружныхъ городахъ для леченія спеціально сифилитиковъ.

5 августа 1897 года былъ введенъ въ Якутской области законъ о преобразованіи сельской медицины.

Согласно этого закона образовано 10 сельскихъ врачебныхъ участковъ, которые по количеству населенія распредѣлены были такъ: въ Якутскомъ округѣ 5, въ Вилюйскомъ 2, а въ остальныхъ по одному, кромѣ того одинъ врачъ для командировокъ.

Въ помощь каждому участковому врачу назначено было по 2 фельдшера и одной фельдшерицѣ—акушеркѣ, а въ округахъ Колымскомъ, Верхоленскомъ и Олекминскомъ по три фельдшера и по одной фельдшерицѣ-акушеркѣ.

Въ каждомъ участкѣ положено было имѣть для стаціонарныхъ больныхъ лечебницу на 10 кроватей съ ассигнованіемъ на содержаніе ея по 1800 рублей въ годъ, а въ округахъ Олекминскомъ, Колымскомъ и Верхоянскомъ пріемные покои съ пятью кроватями каждый.

Для пріобрѣтенія лекарствъ ассигновано было по 450 рублей на участокъ.

Открытіе врачебныхъ участковъ совершалось постепенно, по мѣрѣ назначенія и прибытія врачей къ мѣсту службы въ области.

Отдаленность Якутской области отъ центровъ интеллигентной жизни и суровыя, полныя лишеній жизненныя условія ея служили и служатъ до сихъ поръ препятствіемъ для успѣшнаго заполненія штата врачебныхъ должностей! соотвѣтствующими кандидатами; поэтому открытіе участковъ шло крайне медленно.

Медикаментами участки снабжались изъ аптеки Якутской гражданской больницы, которая за свое посредничество въ этомъ дѣлѣ брала съ участковъ только 50% и лишь съ 1900 года понизила ихъ до 30%.

На перевязочные предметы отпускалось по 50 рублей въ годъ на каждый участокъ, территоріальное распредѣленіе врачей выражалось такъ: область занимала пространство въ 3515000 квадратныхъ верстъ, жителей въ ней 270000, участковыхъ врачей 10, на одного врача въ среднемъ приходилось 351000 квадратныхъ верстъ и 27000 жителей.

При нѣкоторомъ перераспредѣленіи ихъ получилось вотъ что: въ Якутскомъ округѣ было рѣшено имѣть 5 врачей на 719000 квадратныхъ верстъ и 157000 жителей, т. е. на одного врача приходилось 144000 квадратныхъ верстъ и 31000 жителей; въ Вилюйскомъ округѣ два врача и на одного приходилось 440000 квадратныхъ верстъ съ 38000 жителей, въ Олекминскомъ округѣ пространствомъ 335000 квадратныхъ верстъ съ 15 тысячами жителей, въ Верхоленскомъ пространствомъ 947000 квадратныхъ верстъ съ 13 тысячами жителей и въ Колымскомъ пространствомъ 604000 квадратныхъ верстъ съ 6500 жителей по одному врачу.

Такимъ образомъ, введеніе въ Якутской области сельской реформы въ 1897 году выразилось лишь тѣмъ, что вмѣсто бывшихъ пяти окружныхъ врачей назначено десять участковыхъ, т. е. сельско-врачебная помощь въ области, хотя и увеличилась вдвое, но больше на бумагѣ, такъ какъ мало было охотниковъ ѣхать сюда служить.

Прошло съ тѣхъ поръ почти 15 лѣтъ и, однако, возъ и понынѣ тамъ.

Передъ нами лежитъ вызовъ врачей на службу въ Якутскую область, сдѣланный въ 1912 году, гдѣ рисуются разныя заманчивыя перспективы вродѣ, напримѣръ, двойныхъ прогоновъ, не въ зачетъ годовыхъ окладовъ жалованья и прочее и прочее и, однако, какъ мы лично слышали въ Нохтуй-

скѣ отъ областнаго начальства, цикого желающихъ не нашлось и то же начальство намъ высказалось, зная о намѣреніи нашемъ покинуть въ скоромъ времени службу въ этомъ гиблом краѣ, что, вѣроятно, у нашего предполагаемаго замѣстителя будетъ участокъ отъ границы съ Иркутской губерніи до ледовитаго океана.

Врачъ А. М. Серебренниковъ.

Томскъ.
8 марта 1913 г.

Сибирскіе поэты.

П. Дравертъ.

По имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, П. Дравертъ къ кореннымъ сибирякамъ не принадлежитъ. Студентъ казанскаго университета, онъ былъ сосланъ въ административномъ порядкѣ послѣ 1905 года въ Якутскую область, гдѣ и выпустилъ свой первый сборничекъ стиховъ, достаточно претенціозныхъ и деревянныхъ по формѣ и содержанію. Встрѣчались въ сборничкѣ и проблески дарованія, но въ общемъ и цѣломъ его лучше забыть. Отбывъ положенное число лѣтъ, П. Дравертъ перебрался въ Томскъ, гдѣ и работалъ въ мѣстныхъ газетахъ. Въ Томскѣ же вышелъ въ 1911 году и второй сборникъ стиховъ П. Драверта—«Подъ небомъ Якутскаго края», доставившій автору сравнительно большую извѣстность. Сборникъ этотъ, какъ въ ряду писаній о Сибири, такъ и въ чисто-художественномъ отношеніи, заслуживаетъ нашего вниманія, и собственно о немъ-то, въ связи съ именемъ П. Драверта, мы и будемъ говорить.

Передъ нами—два діаметрально-противоположныхъ отзыва о сборникѣ «Подъ небомъ Якутскаго края».

Въ одномъ—рецензіи В. В-на въ «Современномъ Мірѣ» за 1911 г., № 5—говорится, что «*въ книгѣ Драверта мерцаетъ отраженіе далекой сибирской тайги, сѣвернаго солнца. Авторъ свободно пользуется красками своеобразной природы.* Онъ умѣетъ запечатлѣть въ своихъ стихахъ:

Озеръ закрѣпленныя воды, безмѣрную ширь бадарана.
Пахучій, печальный багульникъ, березъ низкорослыхъ кусты,
И ржанье коней утомленныхъ, и радостный шумъ каравана
При видѣ искристаго дыма трубы одинокой юрты».

Въ другой рецензіи, подписанной «П. К-а» («Сибирское Слово», № 63, 1911 г.), *совершенно отрицается способность П. Драверта къ отображенію специфическихъ оттѣнковъ якутской природы. констатируется полное*

отсутствіе якутскаго или сибирскаго колорита въ ея поэзіи.

Итакъ, который же изъ рецензентовъ правъ? Не правы, намъ думается, оба. О замѣткѣ въ «Современномъ Мірѣ» нечего и говорить: это—просто на просто обычный, трафаретный взглядъ кабинетнаго петербургскаго критика о Сибири: автора цѣнили, очевидно, не за мѣстные словечки, вродѣ «бадарана» и тому подобныхъ, разбросанныхъ обильно въ книгѣ, или даты, вродѣ «Кысыл-Тусъ», «Чучуръ-Муранъ», «Уоттахъ-Хая» и другихъ,— отсюда и восторги, и «мерцаніе», и «свободное пользованіе красками своеобразной природы», и тому подобный, ничѣмъ необоснованный вздоръ. Статья въ «Сибирскомъ Словѣ», безпощадно отрицающая Драверта, какъ отобразителя мѣстнаго колорита, несравненно цѣннѣе и литературно-добросовѣстнѣе, хотя и несравненно болѣе заслуживаетъ возраженія. Во всякомъ случаѣ, остановиться на ней слѣдуетъ.

Разбору творчества П. Драверта критикъ предпослалъ довольно любопытное обоснованіе своего взгляда на мѣстные мотивы въ поэзіи,—обоснованіе, трактующее ту же тему, которая была затронута и нами, но только съ другого конца, въ статьѣ о Ѳедоровѣ-Омулевскомъ, и приводящее въ сущности къ аналогичнымъ съ нашими выводамъ.

— «Въ одномъ изъ произведеній Г. Сенкевича,—говоритъ г. П. К-а,—приведенъ интересный разговоръ о мотивахъ искусства между художникомъ и героемъ романа.

— Если бы вся природа состояла вонъ изъ той одной ивы,—указывая на склонившееся дерево, сказалъ художникъ (цитирую по памяти),—то и этого было бы вполнѣ достаточно для искусства—...

«Мысль парадоксальная, но, несомнѣнно, въ ней заключена доля истины. Мотивы современнаго искусства, конечно, не ограничиваются настроеніями, получаемыми отъ одной ивы: границы его неизмѣримо шире; но нельзя не сознаться, что многое и многое еще остается за гранью общепризнаннаго. Рядомъ съ изощреніемъ въ изображеніи близкаго и понятнаго, изощреніемъ, достигшимъ замѣчательной виртуозности, цѣлый рядъ проявленій бытія остается почти неочерченнымъ крыломъ генія. Бытіе, въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, разсѣивается и отлагается во всей вселенной. На той небольшой крупинкѣ, которая называется землей, нѣтъ ни одного уголка, гдѣ бы не разливался свѣтъ солнца,

луны и звѣздъ, гдѣ не существовало бы жизни. Каждая человѣческая душа, это—цѣлый складъ пережитыхъ ею и полученныхъ отъ предыдущихъ поколѣній настроеній. И передъ лицомъ великаго бытія всѣ эти души, какъ по интенсивности своихъ переживаній, такъ и по количеству зафиксированныхъ движеній духа, почти равны. Каждая изъ нихъ можетъ замѣнить одинокую иву Сенкевича.

«Но, въ то же время, каждая новая и пространственная точка созерцанія и всякая отдѣльная индивидуальность имѣютъ зачастую глубокія различія. Тѣ настроенія, которыя даетъ небо Италіи, или тѣ переживанія, которыя вылились черезъ душу Шопена, не могутъ собою всецѣло замѣнить того, что можетъ дать небо Сибири, или развившаяся до высоты шопеновской интеллигентности душа теперь убогаго сына киргизской степи! Музыка Шопена—квинтъ-эссенція польскихъ народныхъ мелодій, скопленныхъ въ глубинѣ вѣковъ и выливщихся черезъ самое чистое горнило къ сіянію вѣчности, но она—не квинтъ-эссенція всего цѣлокупнаго міра звуковъ. Таковую въ свой удѣлъ получитъ только будущее человѣчество.

«Безчисленное множество впечатлѣній, какъ получаемыхъ отъ объектовъ бытія, такъ и отъ субъективныхъ переживаній личностей, для искусства пропадаетъ. Господствующіе мотивы искусства по существу далеко не являются общечеловѣческими. Міровое искусство настолько же оправдываетъ свое названіе, насколько всемірной исторіей можно назвать то, что теперь опредѣляется этимъ терминомъ. Это исторія, по преимуществу, такъ называемыхъ культурныхъ народовъ. И искусство, также какъ и наука, расширяя свои предѣлы, дѣлается все болѣе и болѣе общечеловѣческимъ. Забытые углы вселенной и забытыя души, поднимаясь въ своемъ значеніи, начинаютъ требовать себѣ мѣста и въ наукѣ, и въ искусствѣ. Правда, тогда со стороны культурныхъ братій начинаютъ слышаться жалобы на вторженіе въ искусство (объектъ науки болѣе общепризнанъ) провинціализма, или національзма. Ихъ, однако, можно объяснить только однимъ большимъ недоразумѣніемъ, или, вѣрнѣе, неразумѣніемъ.

« Въ искусствѣ нѣтъ ни областничества, ни національзма, какъ цѣли; оно можетъ способствовать этимъ факторамъ общественной жизни, только какъ средство. А такъ какъ до сихъ поръ ничего надъ-національнаго на землѣ не существуетъ, такъ какъ современное «міровое» есть лишь переразвитое за счетъ другихъ національныхъ коллективовъ англійское,

нѣмецкое, итальянское, русское и т. д., то и все другое, очерченное границами народности, имѣетъ одинаковое право на свое развитіе. Въ противномъ случаѣ, потеряетъ тотъ будущій человѣкъ, который не будетъ имѣть ни національности, ни класса. А онъ имѣетъ право получить *все* наслѣдство, безъ всякаго ущерба. Чѣмъ больше, тѣмъ лучше.

«*Великая Сибирь также способна вложить свою дань въ общую сокровищницу міра. Задача и обязанность сибирскихъ художниковъ слова, кисти или мелодіи—обработать и сдѣлать достояніемъ всѣхъ то колоссальное богатство настроеній, которыя даетъ сибирская природа, тотъ огромный запасъ духовныхъ переживаній, который скопился въ душахъ, обитающихъ подъ впечатлѣніями сибирскаго неба. И чѣмъ болѣе поэтъ или художникъ проникнется настроеніями мѣстной природы и мѣстныхъ народныхъ переживаній, чѣмъ онъ, такъ сказать, будетъ болѣе сибирскимъ, тѣмъ успѣшнѣе ему удастся справиться со своей великой задачей*».

Примѣняя эту точку зрѣнія къ И. Драверту, г. И. К—а полагаетъ, что поэзія его не выдерживаетъ тутъ даже самой снисходительной критики: поэтъ не уловилъ специфическихъ красокъ якутской природы; болѣе того, онъ подмѣнилъ эти краски какими-то другими—итальянскими, испанскими, во всякомъ случаѣ, южными, экзотическими.

Изъ впечатлѣній бытія И. Драверт—если вѣрить г-ну И. К—ѣ—улавливаетъ *только все ярко-кричащее* и проводитъ его сквозь примитивную призму алмазовъ, жемчуговъ, опаловъ, ультрамарина и аквамарина, оцѣнивая природу на впечатлѣнія, получаемыя отъ *вещей*. Вода у него безумная, горы вздымаются, нѣдра содрогаются, пожаръ гигантскій, и все прочее въ томъ же родѣ. Получается такъ, что Якутскій край—что то, съ одной стороны, «чудное», пурпурно-ультрамариновое, а съ другой—ревущее, стонущее и вздымающееся. Не можетъ быть сомнѣнія,—заключаетъ критикъ,—что «эти особенности драверговскаго творчества органически расходятся съ самыми скромными требованіями, какія только можно предъявлять каждому поэту, берущему на себя миссію пополнить общую сокровищницу міровой поэзіи настроеніями мѣстной природы и мѣстнаго народнаго духа. И то, и другое отъ проведенія его черезъ духовную призму г. Драверта не пріобрѣло никакого художественнаго значенія».

Мы потому такъ подробно останавливаемся на статьѣ г. П. К-ы, что въ ней, во первыхъ, есть доля истины, а во-вторыхъ, она обращаетъ на себя вниманіе своей кажущейся аргументированностью. Послѣдняя убѣдительна, впрочемъ, только на первый взглядъ. Авторъ статьи полагаетъ, что если онъ окажется неправымъ, то въ данномъ случаѣ могутъ быть лишь два случая: или — говоритъ онъ — „неудовлетворираленъ мой художественный критерій (что, я надѣюсь, никто мнѣ не докажетъ), или же неудовлетворительны стихи г. Драверта".

Мы думаемъ, однако, что ни то, ни другое, т. е. и критерій г. П К—ы (самая цѣнная часть статьи его, нами въ началѣ приведенная) правиленъ, и стихи П. Драверта далеко не заслуживаютъ такого безпощаднаго приговора. Мы совершенно раздѣляемъ художественную предпосылку г-на П. К-ы, но главный недостатокъ его статьи видимъ въ *недоанализѣ*. Недостаточность художественнаго анализа содержанія—формы неизбѣжно приводитъ его къ однобокости.

Совершенно правильны указанія г. П. К-ы на главные дефекты творчества Драверта: пристрастіе его къ ярко-кричащимъ краскамъ, склонность къ примитивамъ въ образахъ, перегруженность естественно-научной (латинской) терминологіей и—что очень характерно для Драверта и тонко подмѣчено г. П. К-ой—*оцѣнку природы на впечатлѣнія, получаемыя отъ вещей* (такъ, напр., для созданія ходожественнаго образа „зыбкость рѣки" поэтъ прибѣгаетъ къ сравненію ея съ опаломъ; улыбка у него „пурпурная", краса „золотая", закатъ „эмалевый", и т. д., и т. д.). Все это такъ, и все это умаляетъ достоинства поэзіи Драверта не только какъ отображенія природы специфической, но и вообще, сообщая ей характеръ *нѣкоторой* грубой вещественности, даже деревянности. Но все же, нельзя же за деревьями не видѣть лѣса! *Поэзія П. Драверта, какъ попытка фиксаціи мотивовъ, родившихся и рождающихся подъ небомъ своеобразнаго Якутскаго края, есть явленіе довольно значительное.*

Мы попытаемся сейчасъ показать, что есть въ ней своеобразнаго и заслуживающаго вниманія.

Прежде всего, довольно своеобразнымъ представляется стихотворный *ритмъ* поэта.

Есть даже третьестепенные поэты, вродѣ Надсона или Никитина, поэзія которыхъ въ общемъ и цѣломъ далека отъ совершенства и достаточно беззвучна, но которые, тѣмъ

не менѣе, имѣли какую-то свою, отличную отъ другихъ, художественную физіономію,—а она, главнѣйше, въ ритмѣ, въ томъ, *какъ* говоритъ поэтъ. Можно имѣть какія угодно художественныя идеи, настроенія, образы, но если идеи эти, настроенія, образы, не переданы и соотвѣтствующимъ имъ ритмомъ, вся поэзія порой и очень бы способнаго стихотворца останется творчествомъ чужеяднымъ и, мелькнувъ въ литературѣ метеоромъ, не оставитъ въ ней, въ сущности, никакого слѣда. Какъ бы мы ни относились къ творчеству, допустимъ, того-же Надсона или Никитина, мы признаемъ, что эти люди, значитъ, сумѣли, все же, ударить въ какія то больныя мѣста своей эпохи, знали, что сказать, имѣли ту или иную индивидуальность. И, какъ отъ Надсона, напр., вы не отнимете его истерическаго и —по обыкновенію у этого поэта—безпрестанно распѣвчатаго, но все же за какія-то струны задѣвающаго „Другъ мой, братъ мой", такъ и съ именемъ Никитина всегда будетъ связано его неуклюжее, но задушевно-разговорное „Ахъ, пріятель, и ты, видно, горе видалъ", и друг. Вы не отнимете отъ этихъ поэтовъ ихъ ритма.

Ритмъ, это—*языкъ души поэзіи*. Нельзя, заговоривъ о томъ или иномъ поэтѣ, умолчать о языкѣ души его, нельзя умолчать о томъ, безъ чего нѣтъ и самой поэзіи. Г-нъ же И К-а ни звукомъ не обмолвился о ритмѣ Драверта,—отсюда и нѣкоторыя черты недоанализа, отличающія его интересную по основной предпосылкѣ критику.

Въ эстетикѣ не имѣется, къ сожалѣнію, достаточно незыблемо установленнаго научно-объективнаго критерія для опредѣленія стихотворнаго ритма (какъ это есть, напр., въ отношеніи музыки, не говоря уже о наукахъ физико-химическихъ),—хотя и многіе ученые-эстетики и сами поэты не мало трудились надъ установленіемъ такого критерія. Больше всѣхъ поработалъ въ данной области поэтъ и ученый А. Бѣлый, и все же многотомные труды его о словѣ и ритмѣ далеки отъ достиженія. Недаромъ же одинъ почтенный публицистъ-фельетонистъ, въ насмѣшку, уподобилъ Бѣлаго тому чеховскому гимназисту- репетитору, который, потѣя надъ задачкой, заданной его питомцу, наконецъ небрежно заявляетъ, что задача эта рѣшается алгеброй, а комммерсантъ папаша тутъ же берется за счеты и въ одну минуту посрамляетъ репетитора, рѣшивъ задачу путемъ простѣйшихъ ариѳметическихъ выкладокъ. Мы не склонны смѣяться надъ попытками научно-объективнаго опредѣленія ритма (т. е. его

различеній), полагая, что работа въ этой области есть первая и неотложная задача эстетики *), но и мы не можемъ не признать, что въ работахъ А. Бѣлаго все еще слишкомъ много отъ „алгебры", и пока что, намъ ничего не остается, какъ прибѣгнуть къ испытанному, хотя и далеко еще не „ариѳметическому", критерію—глазомѣру. Только глазомѣромъ, за незнаніемъ *пока* „ариѳметическаго" рѣшенія задачи (хитрый панаша намъ не примѣръ), мы и можемъ *пока* опредѣлить характеръ ритма, отличить ритмъ даннаго поэта отъ другихъ.

Съ тѣмъ же, далеко несовершеннымъ, критеріемъ подходимъ мы и къ ритму Н. Драверта.

Наиболѣе характернымъ для Драверта въ отношеніи ритма (если совершенно исключить тѣ вещи, гдѣ поэтъ сбивается то на Некрасова, то на Омулевскаго, то, наконецъ, на Бальмонта) является стихотвореніе „Моей собакѣ". Приведу его въ выдержкахъ.

Моя дорогая собака, моя Намана дорогая,
Тебѣ посвящаю я пѣсню, унылую пѣсню тоски,
И пусть по воздушнымъ пространствамъ несется
она, убѣгая
Въ страну, орошенную Леной, на берегъ великой рѣки.
Я здѣсь, разлученный съ тобою, хожу одинокій на волѣ.
Но воли не вижу и чахну подъ кровлей желѣзныхъ листовъ,
И мнѣ вспоминается поле, якутское дикое поле,
Гдѣ рыскали въ бѣгѣ безпечномъ мы въ зарослях травъ и цвѣтовъ.
Теперь, въ отдаленьи жестокомъ, ты помнишь ли стараго друга,
Пріявшаго вмѣстѣ съ тобою судьбы перемѣнной дары,
Дѣлившаго братски и горе, и часъ золо́того досуга,
И жесткое хвойное ложе подъ сѣнью древесной коры?

*) Высоко-интересны въ данномъ отношеніи и особенно возбуждаютъ надежды работы Маха и его послѣдователей, заграничныхъ и русскихъ *Авторъ*.

Ты помнишь ли путь до Олекмы отъ водъ Кемпендяя соленыхъ
Въ безснѣжную зимнюю пору, губившую нашихъ коней,
Сверканіе звѣздъ полуночныхъ и льдовъ синевато-зеленыхъ,
Нависшія дикія глыбы среди оголенныхъ камней?
Озеръ закрѣпленныя воды, безмѣрную ширь бадарана,
Пахучій, печальный багульникъ, березъ низкорослыхъ кусты,
И ржанье коней утомленныхъ, и радостный шумъ каравана
При видѣ искристаго дыма трубы одинокой юрты?
Ты помнишь ли рыжія сосны, мохнатыя черныя ели,
И лиственницъ стройныхъ колонны въ величьи могучей красы,
Лѣсныя змѣистыя тропы, куда не доходятъ метели,
Медвѣдемъ разрытую почву и слѣдъ осторожной лисы?
Стада тонконогихъ оленей, сохатаго скорбныя очи,
Крикъ филина вечеромъ темнымъ, тяжелый полетъ глухаря,
Зловѣщія лунныя тѣни, и странные шорохи ночи,
И гребень туманной вершины, гдѣ утромъ вставала заря?..
Моя бѣлоснѣжная лайка, моя Намана дорогая,
Я вѣрю — мы встрѣтимся снова въ далекомъ Якутскомъ краю;
Узнаешь ты стараго друга и, радостно воя и лая,
Въ стремительномъ, бурномъ восторгѣ на шею мятенься мою.

Даже при бѣгломъ прочтеніи этой характерной для Дравёрта вещи, бросается въ глаза особая громоздкость и неуклюжесть „стиха“, т. е. ритма. Вы видите, что это именно—„унылая пѣсня тоски“, которая стихійно, но и достаточно тяжеловѣсно „несется“ по „пространствамъ“, „убѣ-

зя въ страну, орошенную Леной, на берегъ великой рѣки". И не столько „тоски" въ этой пѣснѣ и этомъ „стихѣ", сколько „уныния", однообразія, при всемъ кажущемся разнообразіи набросанныхъ картинъ. *Какой-то рядъ унылыхъ рытвинъ съ низкорослыми кустами сѣверной березы — вотъ, на глазомѣръ, характеръ ритма П. Драверта.* и врядъ ли будетъ отрицать и г. И. К—а, что характеръ этотъ достаточно соотвѣтствуетъ характеру и якутской природы, и мотивамъ, зарождающимся подъ унылымъ небомъ далекаго Якутскаго края.

Намъ скажутъ: но, вѣдь это же—недочеты поэзіи Драверта.—и это однообразіе, и эта унылость ритма! Врядъ ли такъ,—замѣтимъ мы:—нѣтъ красоты безотносительной, и то, что являлось бы антиэстетичнымъ въ передачѣ картинъ и красокъ юга, то можетъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствовать своему назначенію при описаніи „пахучаго печальнаго багульника" и „дикаго якутскаго поля", „пути до Олекмы" и „зловѣщихъ лунныхъ тѣней", гдѣ столько дисгармоничнаго, страшнаго, разнообразно-однообразнаго, и—столько безрадостнаго.

Далѣе: обратите вниманіе на эту повторяемость мотива—„моя дорогая собака, моя Намана дорогая",—на эту малообобщенность образовъ, доходящую почти до прозаизма—„ты помнишь ли путь до Олекмы", „въ страну, орошенную Леной",—на эту разбитость картины на несведенныя въ цѣлое мелочи, на отсутствіе въ картинѣ центра и единаго обобщающаго духа, кромѣ духа „унылой тоски",—и вы увидите, что и эта сторона—уже не ритма, а такъ называемой *художественности*—поэзіи Драверта въ достаточномъ соотвѣтствіи съ настроеніемъ породившей ее реальной обстановки. Ѣдетъ полудикій инородецъ, и не вѣдающій обобщенія, не изощренный мозгъ его фиксируетъ въ хронологическомъ и зрительномъ порядкѣ впечатлѣнія извнѣ. Уныло напѣваетъ,—ѣдетъ и бунчитъ, и напѣваетъ, отмѣчая все, что мечется въ глаза и, по невѣдомымъ зацѣпкамъ, въ память:

Собака моя, моя!...
Олени бѣгутъ, бѣгутъ!..
Снѣгъ бѣлый, бѣлый!..
Луна, шаманъ...
О Найля, Найля!..

Той же разобщенностью впечатлѣній, порожденной однимъ и тѣмъ же небомъ, вѣетъ и отъ картинъ, рисуемыхъ Дравертомъ.

Если откинуть опредѣленный культурный налетъ, до модернизма включительно, и онъ, поэтъ нашъ, въ сущности съ наивностью якута заноситъ на бумагу свои то повседневныя, то исключительныя впечатлѣнія бытія. Очень несовершенно съ точки зрѣнія культурнаго эстета, но несомнѣнно *колоритно* въ якутской оправѣ. Подобно дикому якуту, онъ поетъ:

Бѣлое поле. Бѣлая даль.
Въ блѣдной лазури облако бѣлое.
Лѣсъ оголенный. Солнце несмѣлое.
Шелестъ могильный. Холодъ. Печаль...
Млечная мглистость. Скользкіе льды.
Слитыхъ кристалловъ хлопья летучіе.
Злобной метели иглы колючія.
Лисьи, оленьи, волчьи слѣды...
Гладкія скалы. Гулъ глубины.
Бѣлою глыбой ель наклоненная,
Ласковость влаги въ землѣ усыпленная.
Ликъ охлажденной, желтой луны...

Какъ предыдущее стихотвореніе характерно въ отношеніи ритма Драверта, такъ данное произведеніе въ высшей степени типично въ отношеніи фиксаціи впечатлѣній извнѣ. Такіе вотъ нѣмые абрисы, вмѣсто сочной картины, постоянно попадаются у Драверта:

Голубая водная дорога.
Лиловато-желтые пески.
Ровный берегъ. Кости носорога.
Рядъ слѣдовъ. Густые тальники.

Вся разница межъ этими характерными *примитивами* лишь въ томъ, что въ одномъ изъ нихъ поэтъ совершенно обходится безъ сказуемыхъ, вслѣдствіе чего на нихъ неоспоримый отпечатокъ примитивизма*), а въ другихъ — дѣлаетъ уступку культурному мышленію. Но и тутъ и тамъ—въ замѣтномъ большинствѣ стихотвореній И. Драверта—несомнѣнный *якутскій складъ*. И не только въ отношеніи ритма или формы образовъ, т. е. ихъ контурности и при-

*) Читатель, конечно, обратилъ уже вниманіе на очевидное внѣшнее сходство этихъ примитивовъ съ знаменитымъ фетовскимъ «Шопотъ, робкое дыханье» и т. д. Но сходство это именно только внѣшнее. Замѣтимъ кстати, что еще у отцовъ французскаго декадентизма было влеченіе къ примитивизму. Но и тутъ и тамъ это влеченіе есть плодъ изощренности въ то время какъ въ поэзіи поющаго якута это лишь плодъ естественнаго хода мышленія, развившагося въ примитивной обстановкѣ, а у Драверта — естественное опрощеніе подъ якута, печальная колоритность мѣстнаго мотива - все что угодно, словомъ—только не плодъ обдуманной изощренности.—*Авторъ*.

митивизма, но и въ отношеніи—отчасти—*содержанія*. Характерный примѣръ—„Среди бадарановъ".

Мой конь отдыхаетъ на волѣ,
Забывъ утомительный день,
И бродитъ въ болотистомъ полѣ
Его удлиненная тѣнь.
Ему не страшны привидѣнья:
Онъ съ духами въ мирѣ—мой конь.
А я, затанвъ опасенья,
Сижу и смотрю на огонь.
Въ какой-то тревожной печали
Волнуется пламя костра...
Обрѣзаны сумракомъ дали.
Не близко еще до утра...
Таинственно въ звѣздныхъ просторахъ
Сіяетъ волшебникъ Чолбонъ...
Въ осокѣ молитвенный шорохъ
И въ травахъ томительный стонъ.
Полночные духи взлетаютъ
Изъ топкихъ зеленыхъ болотъ,
Несутся, кружатся, мелькаютъ,
Впадая въ нѣмой хороводъ.
Зловѣщи ихъ бѣлыя пятна...
Тоска охватила меня.
Творя заклинанья невнятно,
Спѣшу осѣдлать я коня...
Колышется грудь бадарана,
Грозя чернотой зыбуна.
Какъ бубенъ священный шамана,
Повисла на небѣ луна...

Настроеніе, проникающее эти строчки, только малымъ отличается отъ жизнеощущенія якута: на немъ лишь очень незначительный, и притомъ больше формальный, налетъ культурности. Вы такъ и ждете, что вотъ авторъ сброситъ съ себя этотъ опостылѣвшій налетъ и, давши волю «опасенью», самъ въ экстазѣ ринется въ священный плясъ шамана.

Настроеніе поэта представляется намъ искреннимъ: въ немъ нѣтъ нанграниости подъ мистическій элементаризмъ, какъ у нѣкоторыхъ новѣйшихъ нашихъ модернистовъ (имѣю въ виду не С. Городецкаго, а подражателей типа А. Ярославлева и прочихъ «дѣлателей» простоты). И это даже и не стилизація,—для стилизацій и тому подобныхъ побрякушекъ небо Якутскаго края слишкомъ не шутитъ съ при-

пельцами,—а подлинный человѣческій документъ—свидѣтельство не только поэтическаго «обыкучиванья», но, быть можетъ, и невольнаго опрощенія человѣка вообще. Вѣдь... небо, подъ которымъ дѣютъ свои чары «тонкія, зеленыя болота», много разъ дарило насъ подобными сюрпризами! Объ этомъ же свидѣтельствуютъ Сѣроševскій, Танъ и прочіе бытописатели окраины...

Чтобы покончить съ окраинными мотивами поэзіи Драверта, приведемъ стихотвореніе, наиболѣе полно, хотя и скрытомъ видѣ, отражающее настроенія пришельца и являющееся какимъ-то *символомъ* судьбы духовно оборудованнаго субъекта, вырваннаго изъ привычной обстановки и заброшеннаго въ край «печальнаго багульника» и скорбнаго, холоднаго неба:

Хмурое, сѣрое небо въ тоскѣ.
Въ бурыхъ откосахъ угрюмая тѣнь;
Тамъ, за утесомъ, на желтомъ пескѣ,
Смертью настигнутый—бѣлый олень.
Черные вороны возлѣ него.
Черные вороны жадно сидятъ...
Близится грозное ихъ торжество,
Мраченъ упорный, пронзающій взглядъ.
Хриплаго карканья слышится звукъ:
Старшая птица сигналъ подаетъ;
Черными крыльями кроется вдругъ
Тѣло оленя,—и пиръ настаетъ...
Хмурое, сѣрое небо въ тоскѣ.
Вѣтеръ свирѣпо по скаламъ бѣжитъ.
Тамъ, за утесомъ, на взрытомъ пескѣ—
Остовъ оленя, бѣлѣя, лежитъ...

«Остовъ оленя» на безотрадномъ фонѣ, усѣянный хищными птицами, «сохатаго скорбныя очи» и т. п.—любимые образы Драверта. И въ этихъ образахъ невольно чувствуется что-то родственное автору, болѣзненно-родное, близкое. Изящное творенье, какъ изъ бронзы вылитое—весь стремительный, какъ мысль, олень—и тонкія болота, низкорослые кусты березы: очи скорбныя сохатаго, мольба о радости—и хрипло каркающія вороны, жадной стаей ждущія начала пира,—это ли не символы?

Вполнѣ естественно, что объектамъ этой специфической символики въ сборникѣ, посвящено нѣсколько стихотвореній, переносящихъ насъ то на «унылое, бѣдное кладбище», къ

забытымъ могиламъ, то въ дебри лѣсныя, гдѣ въ одинокой хижинѣ томится умирающій пришлецъ, и только одна собака съ лаской приближается къ его одру, чтобъ отогрѣть дыханьемъ холодѣющее тѣло,—то, наконецъ, рисующихъ картину мирнаго труда, когда гнетущая тоска смѣняется хоть на минуту тишиной, и примиренность посѣщаетъ душу

Сводъ небесъ привѣтливо раздвинутъ.
Серпъ луны алѣетъ за косой.
Кверху дномъ челнокъ нашъ опрокинутъ.
Сохнетъ неводъ длинной полосой.
День прошелъ въ работѣ оживленной,
Непрерывной съ ранняго утра,
И теперь толпою утомленной
Мы сошлись у яркаго костра.
Мокро платье. Руки серебрятся
Отъ пластинокъ рыбьей чешуи,
А въ глазахъ отзывчиво искрятся
Водяныя гибкія струи.
Шумъ и говоръ, эхомъ повторяясь,
Въ смутномъ гулѣ слышатся опять.
Вечеряетъ. Пламя, извиваясь,
Заставляетъ тѣни трепетать.
Тишина... На шкурахъ волосатыхъ
Мы лежимъ, съ истомой не борясь.
Подъ луной— въ движеніяхъ крылатыхъ
Облаковъ причудливая вязь...
Легкій сонъ спускается на вѣжды.
Думы кроетъ нѣги пелена.
Уплываютъ грезы и надежды...
Тишина... покой и тишина...

Но какъ бы ни были отрадны эти маленькія минуты примиренности,—душа поэта рвется къ краскамъ юга, плѣнъ становится мучительнымъ, и мудрено ли, что *галлюцинирующій* взоръ поэта, уже въ краскахъ хмураго, тоскующаго неба прозрѣваетъ сочные «ультрамарины» и «аквамарины», «пурпуръ», «жемчугъ», «бирюзу», «опалъ», «алмазы»! Все это, конечно, въ видѣ элементовъ можетъ заключаться въ краскахъ сѣвера, но, взятое отдѣльно, въ состояніи изолированномъ, неминуемо должно производить впечатлѣніе погрѣшности противъ мотива специфическаго. Эти же галлюцинаціи ввели въ ошибку и г-на И. К—у, заставивъ его вынести свой безусловно дальтоническій приговоръ, согласно которому—«изъ впечатлѣній бытія Драверть улав-

ливаетъ *только* все ярко-кричащее и проводитъ его сквозь примитивную призму алмазовъ, жемчуговъ, опаловъ и ультрамарина». Заблужденіе г-на И. К—ы, какъ мы уже знаемъ—въ одномъ только словечкѣ... «только».

Два противорѣчія живутъ въ душѣ поэта—югъ и сѣверъ. Югу молится поэтъ, и югу посвящаетъ онъ не мало строкъ, родившихся подъ небомъ сѣвернаго края. Даже «маки» въ сборникѣ тоскуютъ о далекомъ югѣ; югомъ грезятъ «дѣвушки» поэта; югомъ же сулитъ зачаровать поэтъ и свою возлюбленную,—ту самую, «которая ждетъ», и именно равнодушія къ потерянному югу не прощаетъ онъ другой, съ ней разставаясь:

Я понялъ послѣднею ночью,
Какъ ты отъ меня далека,
И жадно ко мнѣ прилетѣла
Голодная птица—тоска,
А ты равнодушно смотрѣла
На милый потерянный югъ,
Гдѣ ярко горѣли три солнца,
Въ одинъ заключенныя кругъ.

Но недаромъ же, недаромъ двѣ души живутъ въ груди поэта! Злой отравой напоили грудь зеленыя болота, неизвѣданныя тайны нашептала дикая тайга, нѣмыми чарами околдовала сѣверянка. Вотъ уже не сѣрое, не сумрачное небо, не отравный шелестъ недоношенныхъ березъ, и солнце ласково привѣтствуетъ возвращающагося странника, и «дымъ отечества и сладокъ и пріятенъ». Но тоскуетъ неразгаданное въ человѣкѣ по угрюмой сказкѣ, но не радуютъ посторги близкихъ, и туда, на хмурый сѣверъ, тянется мечта поэта; тамъ, бѣлѣя, остовъ тонконогаго оленя хищными усѣянъ птицами; сохатый скорбными очами гнетъ рыдающій поетъ о жизни; рыскаетъ въ уныломъ полѣ бѣлоснѣжная собака; и она, все та же неразгаданная сѣверянка, ждетъ возлюбленнаго у опушки лѣса. Сладкая волна любви вздымается въ груди поэта, въ бурный крикъ слагается унылый стихъ, и необузданный гимнъ радости несется на печальный сѣверъ...—«той, которая ждетъ»:

Я ушелъ, когда цвѣты завяли,
Исхудали травы на лугахъ,
И земля, стыдясь своей печали,
Утонуть готовилась въ снѣгахъ.
Но, прозрѣвъ грядущее мечтою,
Я увидѣлъ радужные сны—
И весну съ волшебной красотою,

И тебя въ подснѣжникахъ весны.
Ты стоишь съ пурпурною улыбкой,
Взоръ слѣдитъ дорогу на востокъ,
А въ рѣкѣ томится дрожью зыбкой
Безымянный сѣверный цвѣтокъ.
Это будетъ, будетъ неотвратно!—
Мы однимъ лучомъ оплетены.
Суждено вернуться мнѣ обратно
Изъ далекой западной страны...
Я приду съ распадомъ льдовъ Вилюя—
Въ дни, когда, заливши берега,
Онъ взыграетъ, радостно цѣлуя
Склоны горъ, гдѣ хмурится тайга
Я вернусь, когда въ цвѣтной одеждѣ
Средь озеръ задышитъ грудь земли,
И меня привѣтствуя, какъ прежде,
Громкимъ крикомъ встрѣтятъ журавли.
Я приду, когда не будетъ ночи,—
Долгій день обниметъ вышину;
Но твои единственныя очи
Мнѣ замѣнятъ звѣзды и луну..

Мы не охватили въ настоящей статьѣ всѣхъ творческихъ мотивовъ поэзіи Драверта, ибо преслѣдовали, главнымъ образомъ, цѣль—реабилитировать его творчество отъ обстоятельно аргументированныхъ и все же несправедливыхъ упрековъ г-на И. К—ы. Пройти мимо статьи послѣдняго и сызнова расписывать свои узоры на поэзіи Драверта мы считали и ненужнымъ и литературно-недобросовѣстнымъ. Всякое разумно-аргументированное мнѣніе обязываетъ съ нимъ считаться; изъ столкновенія же мнѣній брызжетъ истина. Г-нъ И. К—а отмѣтилъ въ поэзіи Драверта все ярко-кричащее, мы же нашли въ ней и иные звуки, трогающіе своими простотой и задушевной проникновенностью. Истину предоставляемъ опредѣлить читателю.

Н. Чужакъ.

Матеріалы для біографіи А. И. Кирилова.

Александръ Ивановичъ Кириловъ родился въ 1854 г. въ с. Рыбинскомъ, Енисейской губерніи и округа. Отецъ его былъ управляющимъ и компаньономъ золотыхъ промысловъ графа Толстого. Отецъ А. И. умеръ въ молодыхъ сравнительно годахъ, оставивъ нѣсколько человѣкъ малолѣтнихъ дѣтей безъ всякихъ средствъ къ существованію, потому что всѣ свои деньги, около 20000 р., онъ вложилъ въ предпріятіе, гдѣ они и погибли, такъ какъ всѣ хлопоты семьи И. Кирилова о возвратѣ денегъ кончились ничѣмъ: вліятельный графъ сумѣлъ удержать ихъ въ дѣлѣ. Семья бѣдствовала. А. И. послѣ смерти отца остался шестилѣтнимъ ребенкомъ и, слѣдовательно, выросъ сиротой. За недостаткомъ средствъ онъ не получилъ никакого образованія. Мнѣ онъ потомъ передавалъ, что читать и писать научился самоучкой.

Въ дѣтствѣ А. И. столько испыталъ горя и нужды, что въ разговорѣ объ этихъ годахъ онъ положительно страдалъ; голосъ налалъ, руки дрожали и бывали случаи, что на глазахъ навертывались слезы. И не даромъ онъ обычно избѣгалъ вспоминать свои „золотые дни“.

Въ 1872 г. А. И. нанялся на золотые промыслы Сибирякова. Проработавъ тамъ до 1875 г., онъ съ просроченнымъ паспортомъ возвращался въ Мальту для явки на призывъ для отбыванія воинской повинности. Шелъ онъ вмѣстѣ съ однимъ изъ сотоварищей по работѣ на пріискахъ. Гдѣ то около Усть-Кута имъ пришлось на небольшой лодкѣ переплывать черезъ Лену.

— Поднималась гроза, — разсказывалъ А. И., — но мы не обращали на это вниманія; разсчитывали, что успѣемъ во-время переѣхать чрезъ рѣку. Но только что добрались до средины, какъ поднялся вѣтеръ, волны начали заливать нашу лодочку и на разстояніи отъ берега какихъ-нибудь саженъ 30 лодка наша опрокинулась, а мы очутились въ водѣ съ нашими вещами и заработанными деньгами. Вплавь выбрались на берегъ босыми въ одинхъ рубахахъ. Пришли въ деревню, просимся обогрѣться — не пускаютъ. Голодны — холодны идемъ дальше. Видимъ, крестьянинъ коситъ траву.

Возьми, говоримъ, дядя, насъ поработать. Выспросилъ дядя, кто мы и откуда и согласился взять насъ на работу съ платой по цѣловому въ сутки. Мы были рады и этому. Заработали нѣсколько рублей и пошли далѣе. Такимъ образомъ добрались до Мальты. Въ ноябрѣ 1875 г. А. И. былъ взятъ на военную службу, которую отбывалъ въ Иркутскомъ резервномъ батальонѣ.

Служба въ то время была не изъ легкихъ. А. И. неоднократно разсказывалъ мнѣ о тѣхъ грубостяхъ и зуботычинахъ, которыя практиковались тогда въ качествѣ дисциплинарныхъ мѣръ.

— Болѣе или менѣе вольготно чувствовали мы себя,— вспоминалъ А. И., —только въ кабачкѣ И. Р. Кравца*). Кабачекъ этотъ находился какъ разъ противъ нашихъ казармъ. Кравецъ былъ цѣловальникомъ. Обычная выпивка наша не шла дальше «мерзавчика», но мы за то подолгу сидѣли здѣсь и изливали передъ цѣловальникомъ—старымъ николаевскимъ солдатомъ—свое горе и обиды.

— Э, ребятушки,—говорилъ намъ И. Р.,—то ли бывало въ наши времена: зуботычины мы просто *орѣхами* называли; ударъ въ подбородокъ или въ лобъ—*равненіемъ лица*. На эти пустяки мы даже не сердились и если разсказывали, то со смѣхомъ. А хоть вы бы посмотрѣли на шпицрутены и какъ ими полосовали солдатскія спины, тогда бы вы другое сказали: У меня и теперь морозъ по кожѣ идетъ, когда вспомнишь о наказаніяхъ шпицрутенами...

Въ 1877 году А. И. произведенъ въ унтеръ-офицеры.

Окончивъ военную службу, онъ, не имѣвшій ни кола ни двора, въ 1879 г. поступилъ жандармомъ въ Иркутское губернское жандармское управленіе. Въ слѣдующемъ году онъ былъ командированъ въ Тунку для надзора за государственными ссыльными. Здѣсь онъ столкнулся съ политическимъ ссыльнымъ Шварцемъ, попавшимъ сюда по какому то дѣлу въ концѣ 1850-хъ годовъ. Шварцъ былъ очень образованнымъ человѣкомъ; въ ссылкѣ онъ занимался изученіемъ природы, особенно зоологіей. Шварцъ подмѣтилъ въ Кириловѣ человѣка дѣльнаго и способнаго быть выше жандармскаго формализма

— Бросьте вы, г. Кириловъ, эту пустую процедуру хожденія по квартирамъ политиковъ съ трафаретными справками объ ихъ здоровьѣ. Это, наконецъ, всѣмъ надоѣло, въ томъ числѣ, конечно, и вамъ. Вѣдь всѣ отлично знаютъ всю не-

*) Впослѣдствіи богатый человѣкъ въ г. Иркутскѣ недавно умершій.

крѣпость вашихъ заботъ о нашемъ здоровьѣ. Вотъ вы лучше займитесь-ка другимъ дѣломъ, болѣе полезнымъ для васъ. Ходите-ка мнѣ и учитесь чучелить птицъ и звѣрей. Научитесь— подъ старость хлѣбъ будетъ, а службой вашей вѣкъ не проживете, сегодня служите, а завтра уволятъ. Съ ремесломъ всегда будете у дѣла, будете жить самостоятельно, никому не подчиняясь.

Долго думалъ А. И. надъ предложеніемъ Шварца и, наконецъ, согласился, явившись къ нему съ ружьемъ за плечами.

— Пойдемте, г. Шварцъ, на охоту!

— Давно бы такъ!—оживленно сказалъ Шварцъ.

Послѣ этого Кириловъ постоянно бывалъ у Шварца, дома учился чучелить, ходилъ на охоту.

Отношенія къ ссыльнымъ рѣзко измѣнились. Понятное дѣло, что вскорѣ же послѣдовали доносы по начальству на Кирилова со стороны младшихъ жандармскихъ унтеръ офицеровъ о томъ, что Кириловъ дѣлаетъ разныя послабленія ссыльнымъ, находится съ ними въ дружбѣ и вообще представляетъ изъ себя человѣка неблагонадежнаго. Начальникъ жандармскаго управленія нѣсколько разъ вызывалъ А. И. въ Иркутскъ, дѣлалъ ему внушенія и замѣчанія, совѣтуя бросить знакомство со ссыльными и заниматься жандармскимъ дѣломъ. Наконецъ, доносъ былъ сдѣланъ ген.-губернатору графу Игнатьеву. Въ 1890 г. гр. Игнатьевъ вызвалъ А. И. къ себѣ, прочиталъ въ его присутствіи доносъ и грозно спросилъ:

— Правда ли, что ты, Кириловъ, живя въ Тункѣ, сдѣлался соціалистомъ?

— Не правда,—хладнокровно отвѣчалъ Кириловъ.—Я не настолько ученъ, чтобы сдѣлаться имъ.

— А почему часто бываешь у ссыльныхъ?

— Затѣмъ, чтобы удобнѣе было за ними наблюдать.

Немного подумалъ гр. Игнатьевъ и сказалъ:

— Все это хорошо, я ничего не имѣю противъ тебя, но служить тебѣ все таки неудобно, потому что полковникъ фонъ Плотто на тебя очень сердитъ, выходи въ отставку, я дамъ тебѣ другое мѣсто, но предварительно приготовь мнѣ нѣсколько чучелъ птицъ, я хочу посмотрѣть твою работу.

Сразу же послѣ разговора съ гр. Игнатьевымъ Кириловъ взялъ ружье и пошелъ подъ Верхоленскую гору. Дѣло было осенью. Здѣсь тогда много водилось коршуновъ. А. И. и думалъ убить одного изъ нихъ и начучелить. Но въ дѣйстви-

тельности подъ горой онъ убилъ не только коршуна, но рябчика, зайца и ворону. Надъ обработкой этихъ чучелъ онъ провелъ три дня, а на четвертый представилъ ихъ гр. Игнатьеву.

— Самъ дѣлалъ? спрашиваетъ графъ.

— Да, самъ,—отвѣчаю я,—но это еще не особенно удачно, потому, что у меня здѣсь въ Иркутскѣ нѣкоторыхъ инструментовъ нѣтъ.

— Сколько стоитъ работа?

— 10 рублей.

— Вотъ тебѣ 10 р. и 10 р. на чай. Молодецъ Кирилловъ!—ласково уже проговорилъ Игнатьевъ.—Подавай въ отставку. А когда будешь уволенъ и сдашь всѣ дѣла въ Тункѣ, приходи ко мнѣ.

А. И. такъ и сдѣлалъ. Какъ извѣстно, потомъ онъ поступилъ на службу въ музей географическаго общества. Объ этомъ онъ мнѣ разсказывалъ:

— Уволился я изъ жандармовъ и прихожу въ пріемную къ гр. Игнатьеву; вскорѣ же онъ подошелъ ко мнѣ и говоритъ: «иди, Кириловъ, къ предсѣдателю отдѣла географическаго общества В. И. Сукачеву и скажи ему, что ты—Кириловъ, присланный генералъ-губернаторомъ.» Какъ сейчасъ помню, Сукачева я нашелъ въ городской управѣ. Всегда вѣжливый и деликатный, В. И. расхвалилъ мою работу, которую онъ гдѣ-то видѣлъ. «Поступайте къ намъ въ музей, въ такихъ людяхъ, какъ вы, мы нуждаемся. Работы у насъ будетъ очень много; сегодня же сходите къ консерватору музея И. И. Витковскому, онъ вамъ скажетъ, что дѣлать и съ чего начать.»

Такъ произошло мое поступленіе 30 октября 1890 г. въ музей отдѣла въ качествѣ препаратора.

Работы было очень много. На дѣло я приходилъ въ музей въ 6 часовъ утра ежедневно, гдѣ обыкновенно заставалъ уже Витковскаго, съ которымъ и принимались за работу: мы внимательно осматривали каждый препаратъ и гдѣ только находили какіе-либо изъяны, сейчасъ же исправляли ихъ.

Въ 9 часовъ утра Витковскій уходилъ изъ музея и приходилъ только въ 6 часовъ вечера, а я въ это время уходилъ на охоту или рыбную ловлю, пріобрѣталъ то, что нужно было для музея, согласно указанія Витковскаго, съ которымъ мы иногда ходили вмѣстѣ, если день былъ праздничный. Кстати сказать, дорогой мы всегда много разговаривали; за этими бесѣдами я узналъ то, чего не могъ получить отъ Шварца: между прочимъ, Витковскій занимае-

ресовалъ меня перелетомъ птицъ и совѣтовалъ точно записывать всѣ наблюденія по этому вопросу, а особенно обратить вниманіе на залетныхъ птицъ.

То же самое мнѣ говорилъ и В. И. Сукачевъ, подаривший мнѣ «Жизнь животныхъ» Брэма и атласъ бабочекъ. Книги эти по тогдашнему времени были очень дорогія.

Музейское дѣло пришлось по душѣ А. И. и онъ очень пристрастился къ нему. Постепенно музей становится для него чѣмъ то близкимъ, дорогимъ и, можно сказать, *роднымъ*. Я самъ лично слышалъ отъ И. И Витковскаго и членовъ распорядительнаго комитета похвальные отзывы о работѣ А. И., какъ хорошаго препаратора и коллекціонера. Эти отзывы были причиной того, что въ 1891 году А. И. пригласилъ въ научную экспедицію извѣстный В. А. Обручевъ, командированный Иркутскимъ горнымъ управленіемъ для изслѣдованія Олекминско-Витимскаго нагорья въ геологическомъ отношеніи. Во время этой экспедиціи А. И., по порученію В. А. Обручева, стрѣлялъ птицъ, собиралъ растенія и даже минералы. Коллекціи птицъ и растеній должны были поступить въ музей; потому то распорядительный комитетъ географическаго общества и ассигновалъ въ пособіе экспедиціи 500 рублей; предполагалось, что эти деньги пойдутъ на содержаніе и плату за трудъ А. И. Но В. А. Обручевъ не воспользовался ассигнованными деньгами и Кирилова содержалъ на свой счетъ, или вѣрнѣе на счетъ горнаго управленія.

Въ 1893 г. А. И. командированъ былъ въ Култукъ для сбора ботаническихъ коллекцій.

Въ 1896 г. онъ приготовлялъ на Нижегородскую выставку промысловыхъ птицъ и звѣрей, за что получилъ отъ комитета выставки похвальный листъ.

Въ 1897 г. отдѣломъ географическаго общества А. И. командированъ былъ въ Тунку для сбора растеній, рыбъ и бабочекъ, а также для составленія дендрологической коллекціи.

Подобныя командировки бывали почти ежегодно.

Александръ Ивановичъ очень жалѣлъ, что не получилъ никакого образованія.

— Эхъ, говаривалъ онъ, — обиженъ я судьбой; хоть бы мнѣ поучиться столько же, сколько напр. И. И. На каждомъ шагу такъ и чувствуешь необходимость ученія. Вотъ я смотрю на бабочку, она на латинскомъ языкѣ называется Parnassius, я знаю это на память, а прочитать надпись не умѣю.

Необходимость знанія латинскаго языка была настолько очевидной, что онъ, почти 60-лѣтній старикъ, садится за латинскую азбуку и грамматику. Я часто видалъ его въ музеѣ за этой работой. Постепенно А. И. осилилъ, хотя и въ скромныхъ размѣрахъ, латинскую премудрость, и за то какъ онъ былъ этому радъ! Въ результатѣ усидчиваго труда онъ научился бѣгло читать и писать по латыни. На своей коллекціи бабочекъ онъ всѣ названія писалъ уже по научному.

Лѣтомъ, въ праздничные дни, А. И. всегда уходилъ изъ Иркутска въ лѣсъ „для успокоенія".

— Люблю природу, я оживаю въ лѣсу, забываюсь отъ житейской суеты, людской злобы и безплодной грызни между людьми. Если бы можно было, выкопалъ бы землянку гдѣ нибудь на Кайской горѣ и сталъ бы тамъ жить отшельникомъ.....

Свои наблюденія надъ жизнью природы: звѣрей, птицъ и рыбъ онъ даже записывалъ, напр. въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ велъ записки о пробужденіи весны въ Иркутскѣ и окрестностяхъ города. Записки эти потомъ были переданы А.И-чемъ одному натуралисту, который и воспользовался ими, какъ матеріаломъ для статьи, безъ указанія однако источника, о чемъ А. И. всегда заявлялъ своимъ знакомымъ, жалуясь на плагіатъ его труда. Вмѣстѣ съ природой Кирилловъ изучалъ и жизнь звѣрей и птицъ. Около Иркутска онъ отлично зналъ всѣ мѣста, гдѣ водятся зайцы, рябчики, пѣвчія птицы, утки, гуси и проч. Особенно онъ хорошо былъ знакомъ съ образомъ жизни омуля въ Байкалѣ. Свѣдѣніями Кирилова потомъ воспользовался профессоръ Никольскій. Оцѣнивая по достоинству свѣдѣнія Кирилова, вотъ что пишетъ Никольскій въ своемъ руководствѣ. „По словамъ Кирилова, ковремени хода омуль собирается въ стаи. На зиму онъ уходитъ на большую глубину, а въ концѣ мая съ очищеніемъ Байкала отъ льда подходитъ къ берегамъ массами. Не всегда, однако къ опредѣленному мѣсту" и т. д. На 786 стр. „подробно описывается питаніе омуля и гдѣ онъ спасается во время бурь". Кромѣ записокъ объ омулѣ и о наступленіи весны въ Иркутскѣ, у А. И. была довольно объемистая тетрадь со свѣдѣніями объ образѣ жизни Байкальской нерпы о способахъ ея ловли. Въ бесѣдахъ со мной онъ часто разсказывалъ много интереснаго изъ своихъ личныхъ наблюденій надъ жизнью любопытнаго байкальскаго звѣрька. Очень бы важно выяснить теперь, куда пропала эта тетрадь; въ

оставшихся бумагахъ покойнаго я не нашелъ ее. Быть можетъ, онъ какой нибудь „натуралистъ“ выдастъ ее за свои изслѣдованія. Въ Иркутскѣ это водится. При случаѣ я я особо поговорю о нашихъ плагіаторахъ, которые выдаютъ за свои чужіе словари, карты и т. д.

Помимо личнаго труда, А. И. помогалъ музею и своими многочисленными пожертвованіями, нерѣдко довольно цѣнныхъ экспонатовъ, напр. онъ пожертвовалъ въ музей нарту вымершаго Камчатскаго племени ительменовъ; знатоки стоимость этой нарты опредѣляютъ въ 1000 руб.

За такую полезную работу и за пожертвованія въ 1904 году дѣятели в.—с. отдѣла географическаго общества избрали А. И. Кирилова пожизненнымъ дѣйствительнымъ членомъ отдѣла безъ денежнаго взноса.

Это былъ свѣтлый лучъ, озарившій сѣрую жизнь незамѣтнаго труженика!

Но лишь на горизонтѣ геогр. общества появились новые дѣятели—реформаторы, какъ нормальная жизнь музея прекратилась. Новые «работники» принялись за дѣло съ жаромъ, достойнымъ, впрочемъ, лучшей участи. Составъ распорядительнаго комитета геогр. об-ва прежде всего порѣшилъ изгнать изъ музея препаратора Кирилова подъ видомъ якобы ненужности этой должности и матеріальныхъ интересовъ отдѣла. Въ дѣйствительности же Кирилова гнали за то, что онъ когда то былъ жандармомъ, и за то, что его подозрѣвали чуть ли не въ связи съ охранкой. Конечно, это была наглая ложь; говорю объ этомъ категорически. Затѣмъ, масла въ огонь подлили извѣстные «музейскіе кубики», увезенные «по семейному» изъ музея гг. Львовымъ и Холодковскимъ для какихъ то, Богъ знаетъ, изслѣдованій. Кириловъ и я вступились за музейское имущество. И началась травля насъ обоихъ.

Я тогда вездѣ трубилъ, что новые «реформисты» погубятъ научную сторону музейской жизни, разобьютъ налаженное годами дѣло. Время показало, что я былъ правъ. Реформисты то и дѣло составляли маниловскіе прожекты, которые постоянно превращались въ мыльные пузыри. Такъ, они проектировали сдѣлать безплатной правительскую должность, затѣяли скандальную исторію съ арендаторомъ молочной, находившейся въ саду геогр. общества, искали урановую руду около ст. Слюдянки и разсчитывали оборудовать на разработкѣ этой руды выгодное дѣльце: недавно собирались открыть въ музеѣ кинематографъ (5-й въ городѣ) и

брать на прокатъ ленты въ иллюзіонѣ Донъ-Отелло. Словомъ, что ни «сессія» засѣданій распорядительнаго комитета, то и новые пустяшные прожекты. Правда, теперь комитетъ какъ будто рѣшилъ «удариться» въ науку. Именно, онъ отправляетъ научную экспедицію на Хамаръ—Дабанъ. Но и здѣсь, какъ и во всемъ, у комитета первый блинъ вышелъ комомъ. Дѣло въ томъ, что во главѣ экспедиціи ставится человѣкъ, который въ наукѣ совершенно не извѣстенъ. Между тѣмъ, этотъ «ученый» развернулъ широкую программу для своихъ изслѣдованій, съ которой расп. комитетъ вполнѣ согласился. Я бы напомнилъ комитету: 1) за двумя зайцами погонишься—ни одного не поймаешь; лучше дать небольшую, но опредѣленную задачу и вполнѣ выполнимую; 2) поставить во главѣ экспедиціи человѣка, хоть сколько-нибудь доказавшаго печатными трудами свою компетентность въ научныхъ изслѣдованіяхъ; можно, напр., пригласить со стороны, изъ столицъ, вродѣ того, какъ зап.-сиб. отдѣлъ геогр. общества нынче пригласилъ извѣстнаго Гр. Ник. Потанина;*) 3) необходимо, чтобы составъ экспедиціи былъ изъ спеціалистовъ (энтомологи, палеонтологи, метеорологи и т. д.), а не съ бору да съ сосенки, какъ теперь**). Не трудно предугадать результаты подобной экспедиціи. Несомнѣнно, экспедиція сдѣлаетъ «много открытій» и наговоритъ массу «научныхъ словъ на заграничный ладъ». И только. «Ученый» глава этой экспедиціи уже авансомъ подготавливается къ тому, что, дескать, въ виду обширности программы трудно въ одно лѣто выполнить поставленную задачу. Это сознаніе хорошо; худо только, что ученый не сознаетъ своей излишней смѣлости стать во главѣ серьезнаго дѣла.

Таковы то дѣятели—реформисты, поднявшіе травлю на А. И. Кирилова.

До какихъ неразборчивыхъ пріемовъ доходила эта травля, читатель можетъ видѣть изъ приводимой здѣсь статьи, напечатанной въ «Сибирскомъ Понедѣльникѣ» лѣтомъ 1910 го-

*) Или, напр., Тобольскій губернскій музей пригласилъ для изслѣдованій сѣвера Тобольской губ. извѣстныхъ Б. И. Городкова, Шульца и Полле; министерство путей сообщенія предложило сибирскому литератору В. Я. Шишкову (сотруд. журн. «Завѣты», газ. «Сиб. Жизнь», «Сиб Новь» и др..) принять участіе въ технической партіи, командированной для обслѣдованія Чечуйскаго тракта до Кошъ—Агача; министерство народнаго просвѣщенія ассигновало 1300 руб. проф. Б. П. Вейнбергу на научную экспедицію въ Монголію. Все это экспедиціи нынѣшняго лѣта.

**) Съ Г. Н. Потаниннымъ ѣдетъ художница А. А. Воронина—Уткина для изученія киргизскаго орнамента. Въ топографической экспедиціи кн. И. Э. Ухтомскаго (въ глубь Монголіи) принимаютъ участіе видные антропологи, не говоря уже о спеціалистахъ топографахъ.

да, въ разгаръ травли. Я привожу эту статью цѣликомъ, безъ всякихъ измѣненій. Она очень характерна.

Препараторъ А. И. Кириловъ.

Это—любимецъ „кампаніи". Травля препаратора приняла такой ожесточенный и страстный характеръ, что по отношенію къ нему „кампанія" считаетъ хорошими всѣ средства, которыя бы могли привести къ давно лелѣемой ими мечтѣ—изгнанію изъ музея человѣка, ставшаго имъ поперекъ дороги. И чего-чего только не наговорили на счетъ г. Кирилова! Читатель, вѣроятно, еще помнитъ знаменитую препараторскую корову... Какъ видно, „кампанія" не только издѣвается надъ личностью и дѣятельностью г. Кирилова, какъ препоратора музея, но даже и надъ его коровами. Дальше некуда идти.. Вы упоминаемъ о препараторской коровѣ, конечно, не съ цѣлью зубоскальства, но только съ одной единственной цѣлью, чтобы показать, какъ далеко зашла травля г. Кирилова „кампаніей".

Въ настоящей статьѣ мы представимъ обществу нѣсколько фактовъ и документовъ, по которымъ бы можно было судить объ г. Кириловѣ, его препараторскихъ способностяхъ и отношеніи къ музею.

На общемъ собраніи географ. о-ва въ мартѣ т. г., когда рѣшался вопросъ: быть или не быть при музеѣ препараторской должности, „кампанія" усиленно доказывала, что г. Кириловъ, какъ препараторъ, никуда не годится. Особенно усердствовалъ въ этомъ направленіи г. Холодковскій, который однако со своими „ораторскими пріемами" неоднократно „садился въ галоши". Такъ, въ началѣ своей „препараторской филиппики" онъ заявилъ, что, дескать, онъ *не спеціалистъ по препараторскому искусству*, а дальше въ рѣчи пустился наставлять общее собраніе, какъ нужно производить набивку чучелъ и разставлять ихъ, критиковалъ „чучела" г. Кирилова; доказывалъ, что они не имѣютъ „научной цѣнности".

Такимъ образомъ, получилась маленькая несуразность: съ одной стороны, г. Холодковскій не спеціалистъ а съ другой стороны,—даже очень спеціалистъ, разъ говоритъ о „научныхъ цѣнностяхъ" и даетъ наставленія общему собранію геогр. общества, какъ нужно препарировать. Другихъ ораторскихъ пріемовъ г. Холодковскаго мы не отмѣчаемъ; и если остановились на приведенномъ, то только

Къ выставкѣ иркутской старины.

Мысль о выставкѣ сохранившихся у обывателей г. Иркутска предметовъ старины явилась весной 1912 года.

Кажется, въ апрѣлѣ этого года я зашелъ по дѣламъ редакціи «Сибирскаго Архива» къ завѣдывающему публичной городской библіотекой Н. С. Романову, который состоитъ сотрудникомъ у меня съ самаго основанія журнала. Въ это время у Н. С. Романова былъ В. И. Грачевъ, то же сотрудникъ «Сибирскаго Архива».

Въ общей бесѣдѣ Нитъ Степановичъ, между прочимъ, высказалъ мысль объ устройствѣ Архивной Комиссіей выставки *сибирской* старины.

— Это необходимо сдѣлать, потому что очень важно знать, что хранится или что «валяется» въ обывательскихъ рукахъ изъ старинныхъ вещей; быть можетъ, даже явится возможность кое что пріобрѣсти въ надежныя хранилища.

Я и В. И. Грачевъ ухватились за мысль Нита Степановича; и всѣ трое принялись за обсужденіе вопроса о технической возможности устройства выставки старины. Мы пришли къ выводу, что 1) въ Иркутскѣ найдется не мало предметовъ старины; 2) помѣщеніе для выставки какъ нибудь можно подыскать, 3) необходимо, чтобы Архивная Комиссія взяла въ свои руки дѣло выставки; 4) какъ первый въ Сибири опытъ, выставка ограничивается предѣлами одного города Иркутска; 5) экспонаты могутъ относиться и не къ иркутской старинѣ, лишь бы находились у обывателей города.

На другой день послѣ этого я встрѣтилъ М. П. Овчинникова и передалъ ему о нашемъ рѣшеніи. Михаилъ Павловичъ особенно горячо отозвался на мое предложеніе.

– Пусть мы потерпимъ матеріально, но за то будемъ пропагандировать идею о бережномъ отношеніи обывателей къ старинѣ; задача Архивной Комиссіи не только хранить архивы и ихъ разрабатывать, но и воспитывать *исторически* нашихъ сибиряковъ.

На ближайшемъ засѣданіи Архивной Комиссіи я предложилъ на обсужденіе членовъ вопросъ объ устройствѣ въ Иркутскѣ выставки старины.

Вопросъ былъ разрѣшенъ единогласно и въ положительномъ смыслѣ. Это было 6 мая 1912 года. Самую выставку предположено было устроить въ концѣ сентября и началѣ октября. Для ознакомленія мѣстнаго общества съ выставкой рѣшено было забраговременно помѣстить во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ г. Иркутска соотвѣтствующее объявленіе*). Газеты «Сибирь» и «Сибирскія Вѣсти» согласились безплатно отпечатать объявленія Архивной Комиссіи. Для общаго руководства дѣлами по устройству выставки избранъ былъ спеціальный комитетъ подъ предсѣдательствомъ В. И. Грачева. Членъ Архивной Комиссіи П. В. Собокаревъ изъявилъ согласіе принимать и хранить у себя до выставки представляемые обывателями экспонаты.

Лѣтомъ 1912 года члены выставочнаго комитета и особенно М. И. Овчинниковъ, В. И. Грачевъ, Н. С. Романовъ и отчасти я занялись выясненіемъ наличности въ Иркутскѣ предметовъ старины. Добытыя свѣдѣнія ясно показывали, что за экспонатами дѣло не встанетъ.

Однако устроить выставку въ сентябрѣ не удалось и вотъ почему.

Лѣтомъ 1912 года я познакомился съ отставнымъ ген.-лейтенант. М. М. Щуцкимъ, который, между прочимъ, высказалъ мнѣ, что онъ не прочь бы принять болѣе или менѣе активное участіе въ жизни Архивной Комиссіи, что онъ

---

*) Вотъ текстъ этого объявленія:

Иркутская Губернская Ученая Архивная Комиссія въ засѣданіи своемъ 6 мая 1912 г. постановила устроить въ сентябрѣ текущаго года въ г. Иркутскѣ выставку предметовъ Иркутской старины. Выставка эта имѣетъ своей ближайшей цѣлью возможно широкое ознакомленіе мѣстнаго общества съ сохранившимися доселѣ памятниками прошлой жизни въ Иркутскѣ.

Въ виду этого Архивная Комиссія обращается ко всѣмъ обывателямъ г. Иркутска съ предложеніемъ принять посильное участіе въ этой выставкѣ, преставляющей первую попытку выяснить наши богатства старины. Для детальной же разработки всѣхъ вопросовъ, тѣсно связанныхъ съ устройствомъ выставки, необходимо предварительное ознакомленіе какъ съ лицами, желающими принять участіе въ выставкѣ принадлежащими имъ предметами, такъ и самыми экспонатами.

На выставкѣ предполагается и продажа экспонатовъ.

Архивная Комиссія глубоко вѣритъ, что ея начинаніе встрѣтитъ сочувственный откликъ въ средѣ иркутскаго общества.

Предложенія адресовать на имя предсѣдателя Архивной Комиссіи А. И. Линькова (Учительскій Институтъ, или Мастерская, 5; телефонъ № 1028), или на имя П. В. Собокарева (Аукціонный залъ).

интересуется вопросами археологіи и вообще исторіи и что въ этомъ направленіи онъ уже кое что сдѣлалъ.

Послѣ частнаго обмѣна мнѣніями съ нѣсколькими лицами Архивной Комиссіи я рѣшилъ оставить предсѣдательство въ Комиссіи, такъ какъ былъ почти переобремененъ своими прямыми служебными обязанностями и работой по изданію и редактированію «Сибирскаго Архива», и передать это предсѣдательство М. М. Щуцкому. Это—человѣкъ свободный и, кромѣ того, могъ оказаться полезнымъ для Архивной Комиссіи въ *другихъ отношеніяхъ*.

И дѣйствительно, послѣ моего отказа М. М. Щуцкій былъ избранъ предсѣдателемъ.

По вопросу о выставкѣ старины новый предсѣдатель нѣсколько разъ высказывался, что въ этомъ дѣлѣ онъ новичекъ, самая идея выставки и постановленіе объ ея устройствѣ принадлежатъ прежнему президіуму и что, хотя онъ готовъ принять посильное здѣсь участіе, но вообще безъ дѣятельной поддержки иниціаторовъ выставки онъ не берется за оборудованіе этого сложнаго дѣла.

Въ виду отсутствія подходящаго помѣщенія и занятости иниціаторовъ выставки рѣшено было перенести ее съ сентября на рождественскіе праздники. При этомъ имѣлось въ виду и то обстоятельство, что въ праздничное время будетъ больше посѣтителей выставки и тѣмъ вѣрнѣе будетъ достигнута ея цѣль.

На Рождествѣ однако выставка не состоялась. Почему? Объ этомъ говорить пока преждевременно, но заинтересованные члены Архивной Комиссіи причины эти знаютъ.

Что касается лично меня самого, то я не могъ бы принять близкаго участія въ выставкѣ въ теченіе рождественскихъ праздниковъ, потому что въ это время былъ сильно занятъ своимъ журналомъ. Дѣло въ томъ, что въ декабрѣ бываетъ самое жаркое время въ жизни періодическихъ изданій: разсылаются объявленія, циркуляры, идетъ подписка, составляются проспекты статей и т. д. Однихъ объявленій мнѣ, напр., пришлось разослать свыше трехъ тысячъ пакетовъ. Однимъ словомъ, мнѣ лично на Рождествѣ было не до выставки.

Въ концѣ января и въ февралѣ т. г. вопросъ о выставкѣ принялъ болѣе благопріятное теченіе. Иниціаторы выставки рѣшили осуществить ее на Пасхѣ.

На расходы по выставкѣ Архивная Комиссія ассигновала 150 рублей.

Главный Инспекторъ училищъ Восточной Сибири д. с. с. Г. П. Василенко и Городской Голова К. М. Жбановъ разрѣшили устроить выставку въ помѣщеніи Городского 5-класснаго училища.

Работа закипѣла.

Съ понедѣльника страстной недѣли приступлено было къ столярнымъ работамъ по устройству стола и щитовъ, въ четвергъ эти работы были закончены. Съ пятницы начался привозъ и разстановка экспонатовъ. Въ оборудованіи выставки принимали участіе: П. В. Собокаревъ, В. П. Грачевъ, М. П. Овчинниковъ, я, и воспитанники мѣстнаго Учительскаго Института*)

Въ слѣдующій разъ я поговорю объ экспонатахъ выставки.

А. Линьковъ.

*) Фамиліи этихъ воспитанниковъ будутъ напечатаны въ слѣдующей книжкѣ.

„Первый романтикъ русской народности"

(*Вад. Вас. Пассекъ*).

„Это былъ романтикъ народности Пассекъ, очень замѣченный въ свое время писатель, но рано умершій".

А. Н. Пыпинъ.

„Не оставивъ особенно выдающихся и обширныхъ трудовъ, Пассекъ имѣлъ значеніе, какъ первый романтикъ русской народности, положившій начало болѣе широкой постановкѣ у насъ этнографическихъ изученій".

Настольн. энциклоп. словарь бр. Гранатъ т. 6-й.

Русская этнографія, какъ и всякая другая отрасль нашей науки и литературы, имѣла своихъ піонеровъ, имена которыхъ для огромнаго большинства читателей остаются неизвѣстными... Такова участь почти всѣхъ піонеровъ на литературномъ и научномъ поприщахъ, въ особенности—у насъ, въ Россіи.

„Мы лѣнивы и нелюбопытны",—писалъ еще Пушкинъ о своихъ соотечественникахъ, ставя имъ въ упрекъ равнодушіе къ прошлому своей родины и къ ея дѣятелямъ. Послѣднихъ мы мало цѣнимъ при жизни, а послѣ смерти—и совершенно забываемъ о нихъ...

Изъ ряда забытыхъ теперь именъ піонеровъ въ области научнаго изученія быта народовъ, входящихъ въ составъ нашего государства, намъ хотѣлось бы воскресить въ памяти читателей скромное имя Вадима Васильевича Пассека, сибирскаго уроженца.

Родиной Вадима Васильевича Пассека былъ гор. Тобольскъ. Здѣсь онъ родился-въ іюнѣ 1808 года и провелъ свое дѣтство и юность.

Отецъ Вад. Вас. былъ ссыльнымъ изъ дворянъ-помѣщиковъ, попавшихъ въ Сибирь, благодаря несчастно сложившимся обстоятельствамъ жизни и юношеской неосмотрительности. Несчастья продолжали преслѣдовать отца нашего писателя и на мѣстѣ его ссылки, что застаавляло его жить, со своей семьей, въ очень стѣсненныхъ условіяхъ.

„Я родился,—писалъ позже самъ Вад. Вас., — въ то время, когда безпощадно тѣснили и терзали мою родную семью, поэтому былъ надолго отдаленъ отъ нея, росъ среди чужихъ, сталъ рано думать и чуствовать и долженъ былъ сосредоточиваться замыкаться самъ въ себѣ“....

Когда Вад. Вас. былъ еще ребенкомъ, на долю семьи Пассековъ выпало особенно суровое гоненіе со стороны тогдашняго тобольскаго губернатора, фонъ-Брина, который въ глубокую осень выселилъ семейство ссыльнаго Пассека куда-то въ деревню, за двадцать верстъ отъ города. Изъ всей семьи въ городѣ былъ оставленъ только малютка-Вадимъ, который былъ пристроенъ въ домѣ дружески расположеннаго къ его родителямъ инспектора тобольской врачебной управы Керна. Въ семьѣ послѣдняго нашъ писатель и провелъ годы своего дѣтства, пока отецъ его снова не получилъ возможность жить въ Тобольскѣ. Обучался Вад. Вас. въ тобольской гимназіи.

Въ годы его ученія—это былъ тихій мечтательный мальчикъ съ поэтическою наклонностью. Онъ рано увлекался красотами сибирской природы и очень полюбилъ разсказы о старинѣ.

Съ матеріальной стороны семья Пассековъ жила первое время сносно, т. к. получила часть доходовъ съ харьковскаго имѣнія отца, приходившуюся на долю двухъ сыновей, родившихся до ссылки отца. Но съ теченіемъ времени высылка этихъ денегъ все сокращалась, пока, наконецъ, совсѣмъ не прекратилась. Между тѣмъ, число членовъ семьи увеличивалось.—и, ко всѣмъ перенесеннымъ лишеніямъ, прибавилась матеріальная нужда. Но семья держалась дружно, и старшіе ея члены, работая, добывали средства для поддержанія семьи.

Когда Вад. Вас. шелъ уже 18-й годъ,—отецъ его, отбывшій къ этому времени 20 лѣтъ ссылки, получилъ разрѣшеніе вернуться на родину, въ Евр. Россію. Семья Пассековъ переѣхала въ Москву, гдѣ у нея были родственныя связи.

Покинувъ навсегда предѣлы Сибири.—Пассекъ впослѣдствіи часто вспоминалъ свою родину, продолжалъ любить ее, не смотря на тѣ тяжелыя испытанія, которыя выпали на долю его семьи въ суровомъ сибирскомъ краю.

Объ этомъ разсказываетъ жена Вадима Васильевича—Тат. П. Пассекъ во второмъ томѣ извѣстныхъ ея воспоминаній („Изъ дальнихъ лѣтъ“). По свидѣтельству автора воспоминаній,—уже черезъ много лѣтъ послѣ возвращенія В. В.

Пассека изъ Сибири, его разсказы „о лѣтнихъ буряхъ и зимнихъ буранахъ въ Сибири, о его дѣтствѣ и первой юности, проведенныхъ въ Тобольскѣ", были до того живы, что уносили и его слушательницу въ ту дальную жизнь, въ тотъ невѣдомый ей край, въ которомъ онъ родился и выросъ"...

Въ одной изъ своихъ раннихъ статей: „Странное желаніе", напечатанной спустя нѣсколько лѣтъ,—уже послѣ смерти В. В. Пассека, —въ сборникѣ: „Литературный вечеръ" (изданномъ кружкомъ близкихъ друзей—литераторовъ въ пользу его семьи),—В. В. Пассекъ, описывая „цвѣтущія степи" юга Россіи, между прочимъ, вспоминалъ о Сибири.

„А я—кто повѣритъ?—писалъ онъ,—я часто желалъ бы снова перенестись на мой родной Иртышъ, или въ глубину сибирскихъ лѣсовъ, не пробужденныхъ отъ вѣка ни сѣкирою, ни голосомъ людей"...

Вскорѣ по возвращеніи въ Евр. Россію семьи Пассекъ, Вад. Вас. вступилъ въ ряды слушателей московскаго университета по юридическому факультету. Среди университетской молодежи того времени бродилъ идеалистическій романтизмъ, къ которому Вад. Вас. былъ склоненъ уже отъ природы. Въ университетѣ Пассекъ сошелся и очень сдружился съ Герценомъ (поступившимъ въ университетъ нѣсколько позднѣе Вад. Вас—ча). Ихъ,—по словамъ біографа Пассека А. Н. Пыпина,—соединили общія наклонности, интересы къ наукѣ и поэзіи, стремленія къ осуществленію въ жизни нравственно-общественныхъ идеаловъ. Только послѣ въ ихъ мнѣніяхъ стали сказываться различные оттѣнки,—что, одно время, и вызвало охлажденіе между ними"...

Пассекъ женился на «корчевской кузинѣ» Герцена—Татьянѣ Петровнѣ Кучиной, впослѣдствіи написавшей извѣстныя воспоминанія: «Изъ дальнихъ лѣтъ».

Послѣ окончанія Вад. Вас—чемъ университетскаго курса, ему было предложено (въ 1834 г.) занять каѳедру русской исторіи въ харьковскомъ университетѣ. Но когда Пассекъ явился туда,—ему объявили, что онъ не можетъ быть допущенъ къ чтенію лекцій, вслѣдствіе его сношеній съ молодежью, арестованною въ Москвѣ на вечеринкѣ за нѣніе недозволенныхъ пѣсенъ.

Послѣ этого Вад. Вас. поселился въ своей родовой деревнѣ, въ Харьковской губ., гдѣ и прожилъ около двухъ лѣтъ, занимаясь этнографическими и статистическими изученіями.

Будучи причисленъ (въ 1836 г.) къ министерству внутр. дѣлъ по статистическому отдѣленію, онъ представилъ въ

слѣдующемъ году въ министерство свое историко-статистич. описаніе харьковской губ., которое и было напечатано въ офиціальномъ изданіи министерства.

Затѣмъ, по порученію министерства, Пассекъ составилъ такое же описаніе Таврической губерніи, для чего ѣздилъ въ Одессу и Крымъ. За этотъ трудъ онъ получилъ награду отъ м — ства.

Изъ литературныхъ работъ Вад. Вас. первою была его книжка: „Путевыя записки Вадима", изданныя въ Москвѣ въ 1834 г. съ посвященіемъ Тат. Петр. Пассекъ (книжка эта имѣла всего 180 стр.). По словамъ А. Н. Пыпина, эта книга заключала въ себѣ „много историко-поэтическихъ фантазій о протекшихъ вѣкахъ", настоящихъ же „путевыхъ записокъ" въ ней не было. „Тѣмъ не менѣе,—продолжаетъ названный изслѣдователь,—она любопытна для исторіи народныхъ изученій. Народно-историческій интересъ въ то время только что складывался: чувствовалась недостаточность прежней, чисто внѣшней, государственной исторіи, и возникала потребность изслѣдовать основы внутренней жизни народа, его бытовые и нравственные идеалы. Это стремленіе, еще поэтически-неопредѣленное, особенно выразилось у Пассека,—и оттого имя его называлось въ то время съ большими сочувствіями: онъ отвѣчалъ на созрѣвшую потребность"*)

Въ началѣ „Путевыхъ записокъ" авторъ предается воспоминаніямъ своего дѣтства и юности, проведенныхъ въ Сибири, и разсказываетъ о впечатлѣніяхъ суровой и угрюмой сибирской природы, о сибирскихъ народно-историческихъ преданіяхъ. „Ермакъ былъ первымъ героемъ моихъ мечтаній",—говоритъ о себѣ, между проч., авторъ. Въ дальнѣйшей части книги онъ разсказываетъ о своихъ впечатлѣніяхъ по переѣздѣ изъ Сибири въ Евр. Россію, о Москвѣ, знаменитый кремль которой переноситъ автора въ далекую старину русской народной жизни, столь отличной отъ жизни Зап. Европы—и т. д. Много мѣста въ книгѣ отводится Украинѣ, второй родинѣ автора.

Роль историка и задачи исторіи Пассекъ понималъ въ самомъ возвышенномъ смыслѣ. „Тотъ не историкъ, кто не мыслитель и не поэтъ—пишетъ онъ. И дальше: „тотъ не понимаетъ исторіи народа, кто не объемлетъ умомъ, не сочувствуетъ сердцемъ малѣйшимъ движеніямъ его внутренней жизни: кто не видитъ, какъ живетъ прошедшее въ настоящемъ, кто думаетъ возсоздать жизнь лишь ко однѣмъ лѣтописямъ,

*) См. «Изученія русской народности (истор. литер. обзоръ)» А. Пыпина въ «Вѣстн. Евр.» за 1882 г., кн. 11-я

или остаткамъ искусства,—и въ настоящемъ бытѣ не видитъ основныхъ началъ, по которымъ дѣйствовало минувшее, и станетъ дѣйствовать грядущее... Должно умомъ и сердцемъ вглядѣться въ *настоящій бытъ народа*! Должно *быть* съ нимъ, видѣть его во всѣхъ измѣненіяхъ, подъ всѣми впечатлѣніями обстоятельствъ и условіями внѣшней природы"...

Не забудьте, читатель, что все это писалось въ началѣ 30-хъ годовъ пр. стол., когда у насъ еще всецѣло царилъ *карамзинскій* взглядъ на исторію.

Съ 1838 года Пассекъ, вмѣстѣ со Срезневскимъ, приступаетъ къ выпуску историко-этнографическаго изданія: «Очерки Россіи». Всего, до смерти Вад. Вас., вышло пять выпусковъ этого изданія. Цѣлью этого изданія было содѣйствовать распространенію свѣдѣній о нашемъ отечествѣ. Наибольшая часть статей, вошедшихъ въ «Очерки», принадлежала перу самого редактора-издателя ихъ. Вад. Вас. писалъ здѣсь по вопросамъ: физической географіи и исторіи Россіи, быта инородцевъ и др. Съ особенною любовью онъ погружался въ историческія воспоминанія и въ описанія народнаго быта, останавливаясь на поэтической и обрядовой сторонѣ послѣдняго. Рядъ такихъ статей былъ написанъ имъ по личнымъ наблюденіямъ сельской жизни и сопровождались имъ самимъ записанными пѣснями

По этому поводу жена Вад. Вас. разсказываетъ въ своей, уже упомянутой выше, книгѣ «Изъ дальнихъ лѣтъ»:

«Изучая языкъ и жизнь народа, Вад. Вас. постоянно сближался съ нимъ по деревнямъ: записывалъ повѣрія, сказки, пѣсни; срисовывалъ виды, земледѣльческія орудія, домашнюю утварь, одежду; бывалъ на празднествахъ и сельскихъ ярмаркахъ, такъ любимыхъ малороссами»...

Эти статьи Пассека, по мнѣнію А. Пыпина, заключали въ себѣ матеріалъ, цѣнный для науки, чего нельзя сказать объ остальномъ содержаніи «Очерковъ». Но, тѣмъ не менѣе, —добавляетъ Пыпинъ,—«Очерки» и вообще дѣятельность Пассека останется любопытнымъ литературнымъ фактомъ, какъ одно изъ симпатичныхъ выраженій той искренней любви къ народу, которая уже въ ту пору одушевляла новыхъ дѣятелей народнаго изученія, и вскорѣ же произвела въ этой области труды, столько же важные для нравственнаго самосознанія общества, сколько и для науки»...

Наряду съ изданіемъ «Очерковъ Россіи»,—Пассекъ не покидалъ и своихъ статистическихъ изслѣдованій. Въ 1841 году, по порученію министерства, онъ приступаетъ къ ста-

тистическому описанію Московской губ., по образцу выполненныхъ уже имъ ранѣе. Это описаніе было признано образцовымъ.

Между тѣмъ матеріальныя обстоятельства жизни Вад. Вас. были крайне плачевны. Онъ хотя и считался на службѣ у м—ства вн. д.,— но жалованья ему не выдавали, до назначенія на вакантную должность. Дѣло дошло до того, что весной 1842 г. Пассекъ, по предложенію архимандрита Симонова монастыря Мельхиседека, взялся составить историческое описаніе этого монастыря за вознагражденіе въ 300 руб. Но, выполнивъ эту работу, Вад. Вас. отказался отъ полученія за нее денегъ, прося, вмѣсто этого, отвести ему и семьѣ его мѣсто для похоронъ на монастырскомъ кладбищѣ...

Въ томъ же году Вад. Вас-чу пришлось воспользоваться выговореннымъ условіемъ: сначала—для ребенка, а вскорѣ затѣмъ—и для себя самого. Лѣтомъ онъ простудился, а къ осени болѣзнь осложнилась и приняла въ концѣ концовъ роковой исходъ. 25 ноября Пассека не стало...

Не стало писателя, въ историко-этнографическихъ взглядахъ котораго, при всей его романтической идеализаціи, нельзя не признать оригинальности и широты наблюденій, которыя, если бы автору суждено было повести свои работы далѣе,— могли бы выработаться въ опредѣленную стройную теорію.

Немногочисленные труды Пассека, не имѣя большихъ научныхъ заслугъ, сохраняютъ за собою свое историческое значеніе. Это,—по выраженію А. Н. Пыпина,—предисловіе къ наступившимъ вскорѣ затѣмъ спорамъ славянофиловъ и западниковъ о русской національной идеѣ и къ болѣе глубокой постановкѣ этнографическихъ изученій.

К. Дубровскій.

О судьбѣ Щаповскихъ бумагъ.

Аѳанасій Прокопьевичъ Щаповъ жилъ въ Иркутскѣ съ 1864 года по день смерти 27 февраля 1876 года.

Живя въ Иркутскѣ, онъ постоянно занимался литературной работой, помѣщая статьи въ журналахъ: «Дѣло», «Отечественныя записки» и въ «Извѣстіяхъ сибирскаго отдѣла географ. общества». Послѣ его смерти, за отсутствіемъ родныхъ, была приглашена полиція и все имущество было описано, запечатано и, по требованію Лаврова, главнаго кредитора Щапова, сдано ему. Сначала онъ продавалъ ихъ, но затѣмъ въ виду того, что между бумагами Щапова находилась рукопись о Туруханскомъ краѣ, принадлежавшая сиб. отд. геогр. о - ва, готовая къ печати, а также много книгъ изъ библіотеки отдѣла, - все имущество умершаго было отобрано у Лаврова, всего 6 ящиковъ, и доставлено въ отдѣлъ. Собственныя книги и вещи Аѳ. Прокоп вскорѣ переданы были родному брату Щапова, а три ящика съ рукописями и книгами остались въ отдѣлѣ, который назначилъ комиссію для разбора бумагъ Аѳ. Пр. Но какъ разъ въ это время (1879 годъ) случился пожаръ города и зданіе отдѣла со всѣми его коллекціями и библіотекой сгорѣло. Сгорѣли и ящики Щапова, еще не распечатанные и не разобранные.

Аристовъ въ біографіи Щапова упоминаетъ, конечно, на основаніи какихъ-то извѣстныхъ ему данныхъ, что изъ сочиненій А. П., написанныхъ имъ въ Иркутскѣ, многое осталось въ рукописяхъ и сохранились—ли послѣднія, или нѣтъ—неизвѣстно.

П. П. Суворовъ, офицеръ, служившій въ интендантствѣ и хорошо знакомый со Щаповымъ въ послѣднее время, сообщилъ между прочимъ, что Щаповъ много писалъ и послѣ его смерти должно остаться не мало рукописей.

У А. П. Щапова было два брата-священника; одинъ (имя неизвѣстно) умеръ вскорѣ по пріѣздѣ А. П. въ Иркутскъ. Второй братъ, Григорій Прокопьевичъ, былъ священникомъ въ с. Голодѣевскомъ и, надо предполагать, ему вы-

дали изъ географическаго отдѣла три ящика имущества, принадлежавшаго Щапову.

У Григорія Прокопьевича было пять дочерей: Ольга, Дарья, Марія, Таисія и Евдокія. Дарья Григорьевна (по мужу Вдовина) скончалась, остальные всѣ здравствуютъ и понынѣ. Ольга была выдана замужъ за дьякона Николая Подгорбунскаго (теперь священникъ). Ему вмѣстѣ съ другимъ имуществомъ достались и ящики съ книгами и писаніями Аф. Прок. и онъ увезъ ихъ съ собою въ с. Бирюльское (на Илгу), куда былъ переведенъ на службу.

Тамъ онъ жилъ 25 лѣтъ, ящики съ книгами и старыми бумагами стояли въ амбарѣ и на нихъ никто не обращалъ вниманія. Ихъ грызли мыши, они портились отъ сырости и т. д. Два года тому назадъ о. Николай получилъ переводъ въ Косую Степь. Приготовляясь къ переѣзду, семейство Подгорбунскаго не знало какъ поступить съ ящиками старыхъ бумагъ, которыхъ было нѣсколько пудовъ. Полагая, что бумаги эти везти съ собою не къ чему, да и хранить ихъ незачѣмъ, рѣшено было предать ихъ сожженію. Сынъ Подгорбунскаго говорилъ мнѣ, что онъ хорошо помнитъ, какъ разрывалъ старыя слежавшіяся тетради, исписанныя мелкимъ, неразборчивымъ почеркомъ, какъ бросалъ въ огонь связки писемъ, перевязанныя веревочкою и т. д...

У о. Николая Подгорбунскаго въ настоящее время, должно быть, случайно сохранилась отъ печальнаго «Ауто-да-фе» «небольшая кипа старыхъ бумагъ изъ «тѣхъ» уничтоженныхъ ящиковъ. Что есть въ этихъ бумагахъ — неизвѣстно. Сынъ Подгорбунскаго, пріѣзжавшій на время въ Иркутскъ, случайно привезъ одинъ листикъ изъ сохранившейся кипы. Листикъ этотъ увидалъ букинистъ Д. И. Лужинъ и сказалъ, что это писаніе Аф. Прок. Щапова.

Дѣйствительно, это можетъ изъ дневника нашего сибирскаго писателя, которымъ родина его можетъ по праву гордиться. Онъ въ числѣ немногихъ уцѣлѣлъ отъ огня и, какъ драгоцѣнность, долженъ быть сохраненъ. Листокъ этотъ въ двѣ страницы, на сложенномъ вдвое полулистѣ бумаги Сушкина № 6.

Каждая страничка раздѣлена на двѣ части. Длина строчекъ не болѣе полуторыхъ вершковъ. Почеркъ очень мелкій, нитеобразный; строчки близко одна отъ другой. Это привычка Щапова писать экономно, по 60—65 строкъ на страницѣ.

Разобрать написанное трудно*).

Сынъ Подгорбунскаго передавалъ мнѣ, что у тетки его Маріи была связка писемъ Щапова, которыя она передала сестрѣ Таисіи Григорьевнѣ Щаповой, учительницѣ въ переселенческомъ пунктѣ

По поводу рукописей А. П. я имѣлъ разговоръ со священникомъ Подгорбунскимъ и онъ сказалъ, что не зналъ, что бумаги, хранившіяся у него больше двадцати лѣтъ, были писанія Афанасія Прокопьевича. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ редакторъ „Восточнаго Обозрѣнія" Ив. Ив. Поповъ спрашивалъ у него, не знаетъ ли онъ, гдѣ находятся бумаги А. П. Щапова, выданныя въ 1876—1877 гг. изъ отдѣла геогр. общ. брату Щапова Григорію, т. е. тестю, и онъ отвѣтилъ, что ничего не знаетъ.

Конечно, у А. П. Щапова, по всей вѣроятности, хранилась переписка съ его друзьями и знакомыми, наконецъ дѣловая переписка по поводу изданія его сочиненій. Послѣ смерти его жены, Ольги Ивановны (Жемчужниковой), навѣрное, осталась переписка ея съ родными и дядей Меліоранскимъ.

Были у А. П., навѣрное, дневники и записки, веденныя имъ въ 1863 году во время ученой экспедиціи къ устьямъ р. Енисея и экспедиціи 1874 года для этнографическаго изслѣдованія въ приленскомъ краѣ. Сохранялся, навѣрное, необработанный матеріалъ, собранный во время этихъ поѣздокъ.

И вотъ судьба бумагъ Щапова: часть сгорѣла въ пожаръ Иркутска 1879 г., а часть сожжена по невѣдѣнію!!!

Свѣдѣнія о жизни Щаповыхъ въ Иркутскѣ весьма недостаточны, они ничѣмъ не пополнились со времени появленія книги проф. Аристова, который жаловался на скудость біографическихъ данныхъ.

Этотъ пробѣлъ въ біографіи Щапова могъ быть пополненъ только изъ бумагъ и писемъ, оставшихся послѣ его смерти, но бумаги эти всѣ уничтожилъ огонь и намъ современникамъ только приходится сожалѣть о дорогой потерѣ.

*) Листокъ этотъ находился на выставкѣ старины, бывшей въ г Иркутскѣ 15—21 апрѣля 1913 г. Очень многіе изъ посѣтителей интересовались рукописью А. П—ча. *Редакторъ.*

Очень интересно узнать, что въ себѣ заключаетъ пачка старыхъ бумагъ Щапова, хранящаяся у св. Подгорбунскаго и много ли еще найдется въ ней листовъ изъ дневника А. П. и есть ли въ дѣйствительности у Таисіи Григорьевны Щаповой письма ея извѣстнаго дяди.

Н. Мокѣевъ.

Редакторъ-Издатель **А. И. Линьковъ.**